

КАВКАЗ

(LE CAUCASE)

ОРГАН НЕЗАВИСИМОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ

L'adresse de l'administration : 10, rue de Plelo, Paris (15^e)

12/36

ДЕКАБРЬ 1936 г.

12/36

СО Д Е Р Ж А Н И Е :

- Гайдар Вадим*. — Испанский узел.
З. Авалишвили. — Из истории кавказской политики.
А. Кантемир. — Кавказ и Россия.
Т. Елекхоти. — Кавказ между Севером и Югом.
Ш. Амiredжиби. — Илия Чавчавадзе и грузинские марксисты.

***. — Проблема очага и семьи в СССР.

- Халил Хас-Мемедли*. — Политическая спекуляция.
Ген. Муса Паша Кундухов. — Воспоминания.
Обзор печати.
Хроника.

20 декабря.

ИСПАНСКИЙ
УЗЕЛ

В тот час, когда пишутся эти строки англо-французскую инициативу, имевшую целью посредничество держав, повидимому, надо считать фактически провалившейся.

Не говоря уже о том, что ни анархо-коммунисты «законного» правительства, ни Бургосская национальная хунта и слышать не хотят ни о каком иностранном посредничестве, на меморандум 5 декабря положительный ответ, и при том с большой поспешностью, дает только одна Москва.

Германия и Италия, принципиально не отвергая сделанного им предложения, в весьма

вежливой форме и почти в идентичных выражениях выразили сомнение в осуществимости поставленной лондонским и парижемским кабинетами цели.

А Португалия без обиняков заявила, что, покуда ее о том не просят сами непосредственно заинтересованные стороны, она не видит никакой возможности взять на себя роль посредницы.

Немногим лучше обстоит поднятый тем же меморандумом вопрос об усилении контроля над ввозом оружия и снабжением воюющих сторон волонтерами.

Очередная неудача Парижа и Лондона никого не удивит. Меньше всего вероятно она удивит самих авторов меморандума.

Все отлично понимают, что если бы с самого начала великие державы действительно желали воздержаться от вмешательства в испанские дела, то достигнуть этого простейшими мерами международного контроля было бы легко.

Пять месяцев гражданской войны с исчерпывающей ясностью показали, что этого то желания как раз и не было у большинства держав... Совсем наоборот. Во всяком случае, основательно или нет, общественное мнение Германии, Италии и Португалии далеко не склонно признать за Лондоном и в особенности за Парижем «народного фронта» необходимый для роли беспристрастного арбитра моральный авторитет.

К тому же случилось так, что предложение о недопущении иностранных комбатантов на испанскую территорию явилось как бы ответом на сообщения прессы о высадке в Кадиксе довольно значительного отряда немецких добровольцев. Это хронологическое совпадение не могло не вызвать некоторого недоверия к искренности англо-французского жеста.

Недаром и Берлин и Рим в своем ответе на меморандум 5 декабря сочли нужным в весьма настойчивой форме подчеркнуть, что аналогичное предложение было сделано ими еще в августе месяце, но к сожалению не встретило сочувствия держав.

Ни для кого не секрет, — это подтвердил даже Лондонский комитет лорда Плимута, — что пальма первенства в деле вмешательства в испанские события принадлежит Москве.

В течение ряда месяцев, когда о немцах в рядах испанских националистов вообще не было речи, кремлевские владыки и непосредственно и через подвластные им органы Коминтерна во Франции, наводняли Испанию иностранными добровольцами. Дошло до того, что, по свидетельству целого ряда очевидцев, отнюдь не враждебных «фронта полу-

ляр», в рядах защищающих Мадрид «республиканских» войск «интернациональные марксистские отряды», составляют подавляющее большинство.

Преобладающая часть, ныне очень богато, технического оборудования красных доставлена из советской России. На всех испанских фронтах, как подтверждает в передовой статье от 19 декабря, посвященной пятимесячным итогам гражданской войны в Испании, такой серьезный и сдержанный орган, как парижский «Тан», обнаружено присутствие не только русского многочисленного технического персонала, обслуживающего советские аэропланы, танки, артиллерию и пр., но и целых русских отрядов.

Теперь, повидимому, настал момент, когда советское правительство заинтересовано в том, чтобы стабилизировать создавшееся соотношение сил и помешать сочувствующим испанским националистам державам сделать для армии ген. Франко то, что само оно, под покровом «невмешательства» с таким успехом проделало для анархистов и коммунистов Барселоны и Валенсии.

Отсюда очевидно та горячность, с которой Москва поспешила откликнуться на англо-французский меморандум, отсюда и тот холод, который тот же меморандум встретил в Берлине и в Риме...

**

Сложившаяся в результате пяти месяцев испанской смуты международная обстановка сейчас такова, что по справедливости правильнее было бы говорить уже не об испанской гражданской войне, а о первом столкновении на территории Испании двух борющихся за мировую гегемонию политических идеологий, о первых авангардных боях двух конкурирующих великих международных сил, от исхода которых будет зависеть, суждено ли Европе сохранить свою многовековую блестя-

щую цивилизацию или ей придется на десятки лет погрузиться в пучину кровавой анархии.

Есть немало симптомов, говорящих о моральной усталости и физическом истощении обеих, истекающих кровью в братоубийственной войне, фракций испанского народа.

Недавние перемены в составе правительства Каталонского Генералата и предшествовавшая им острая борьба между коммунистами и социалистами московского толка и анархистами «троцкистской» ориентации воочию показали, что в смысле внутренней спайки и внешней дисциплины даже в такой цитадели красной Испании, как Барселона, далеко не все благополучно.

Не идеально, повидимому, внутренне положение и в национальном лагере. Если к сообщениям известной части печати, неоднократно уже устранявшей кровавые столкновения между «карлистами» и «фалангистами» следует относиться с понятной осторожностью, все же едва ли можно сомневаться в том, что стихийный энтузиазм, объединивший вокруг ген. Франко, в первые дни восстания против марксистской тирании политически довольно чуждые элементы национальной Испании, в настоящее время успел значительно остыть.

Можно думать, что, если бы не непрекращающийся приток в оба стана, как материально-технических средств, так и живой помощи, гражданская война в Испании была бы уже окончена или была близка к окончанию, либо вследствие решительной победы одной из борющихся сторон, либо путем компромисса, продиктованного безнадежностью дальнейшего кровопролития.

Но к несчастью Испании, испанский народ в настоящее время едва ли может почитаться хозяином своей страны. Едва ли, если даже испанцы обоих станов захотели, по собственной инициативе, положить конец братоубийст-

венной бойне — практически возможно было бы это сделать.

Теперь, когда испанская «республиканская» армия находится в руках русского красного командования, когда не только почти все материальное оборудование ее доставлено из Москвы, но и самые кадры в значительной мере состоят из русских большевиков и иностранных марксистов самых разнообразных национальностей, «по линии Коминтерна», подчиненных все той же Москве, вопросы войны и мира в Испании будут решаться не Ларго Кабаллеро и Кампанисом в Валенсии и Барселоне, а Сталиным и Литвиновым в Кремле.

Что значат для московских вампиров страдания и смерть нескольких сотен тысяч испанцев, их жен и детей, разрушение испанских городов, гибель культурных памятников и артистических сокровищ одной из наиболее древних европейских цивилизаций? Разве у себя на родине они не проделали такой же «опыт» в еще более широких размерах...

Победа коммунизма над «мировым фашизмом» на испанской территории является сейчас для Москвы не только делом государственного престижа советской империи, но и вопросом собственного бытия в недалеком будущем.

Общезвестно какую первенствующую роль для целей московской внешней политики играет военный союз с Францией и неразрывно с ним связанный с ним союз с Чехословакией.

События показали, что надежды, возлагавшиеся Кремлем на «народный фронт» во Франции оказались значительно преувеличенными. Несмотря на громадное влияние на правительство Леона Блюма французской секции Коммунистического Интернационала и коммунизированной «Сежете» *) и на поддержку некоторых весьма влиятельных ради-

*) С.С.Т. — Всеобщая конфедерация труда.

казов полпреду Потемкину, все еще не удалось добиться той *автоматической* военной конвенции, которой вот уже два года так настойчиво и... тщательно добивается Литвинов и без которой франко-советский пакт, окруженный сетью резервов и связанный с Лигой Наций, никакой практической ценности не имеет.

Существуют весьма веские основания думать, что правительство Блюма-Дельбоса, так чутко прислушивающееся к голосу Лондона, где франко-советский пакт никогда не пользовался симпатиями, на такую конвенцию не пойдет, если не будет вынужден к тому какими-нибудь совершенно исключительными внешними событиями.

В создавшейся европейской обстановке только овладение испанским плацдармом может оказаться в руках кремлевских владык достаточно сильным козырем в той шантажной игре, которую они ведут с Францией, чтобы понудить любое французское правительство пойти на автоматический военный союз с СССР.

Едва ли можно сомневаться в том, что Москва не остановится ни перед какими жертвами, чтобы добиться этого результата.

*
**

То, что европейская печать назвала почему-то конституционным кризисом в Англии, хотя, как известно, Англия тем и отличается от прочих государств, что никакой конституции не имеет, не на долго отвлекло внимание Форейн Оффиса от внешнего мира.

Г. Иден за последние дни произнес несколько речей и ответил на много вопросов в Палате Общин.

Из всех деклараций молодого министра иностранных дел можно сделать вывод, что отношения между Лондоном и Парижем давно пожалуй не были так сердечны как сейчас, но также, что никаких новых обязательств по

сравнению с теми, которые были взяты ею в отношении Франции в момент расторжения Германией Локарнского договора, Англия на себя не взяла.

Что касается испанских событий, в первый раз кажется со времени начала гражданской войны, руководитель внешней политики Великобритании определенно заявил, что Англия не сможет остаться равнодушной к какому бы то ни было изменению территориального статуса Испании.

Едва ли в этом кто-нибудь сомневался. Выступление г. Идена, конечно, следует понимать как серьезное предупреждение тем, кого сейчас более или менее основательно подозревают в наличии особых видов на те или иные части испанской территории. Если поставить необходимые точки над *i* окажется, что речь идет об Италии, говорят, довольно основательно заседевшей на Балеарских островах, о Германии, якобы стремящейся так или иначе укрепиться в испанском Марокко и на Канарских островах, и наконец о советской России, желающей занять и фактически уже занявшей господствующее положение в Каталонии.

Желание Англии обеспечить территориальную неприкосновенность и политический суверенитет Испании вполне естественно. Продиктовано это желание весьма существенными эгоистическими мотивами. Если Испания со своими владениями в Марокко почему-либо очутилась бы во враждебном ей лагере, Англия была бы бессильна сохранить за собой Гибралтар и обеспечить своим судам вход в Средиземное море.

Если бы Балеарские и Канарские острова, даже формально оставаясь во владении Испании, завтра оказались под фактическим контролем чуждых и мало дружественных Англии сил, имперские пути Великобритании оказались бы весьма серьезно скомпрометированными.

Нужно отметить, что в этом пункте, как и в вопросе о Гибралтарском проливе интересы Англии в полной мере совпадают с интересами Франции, перед которой также стоит чрезвычайно важная, как с экономической, так и с военной точки зрения, проблема обеспечения сношений с ее африканскими колониями.

Этим почти абсолютным совпадением местных интересов, конечно, и объясняется та солидарность английской и официальной французской дипломатии, которую мы сейчас наблюдаем в испанских делах. Преждевременно было бы делать из нее слишком обобщающие выводы.

Политика Германии в Испании, как и во всем бассейне Средиземного моря (мы имеем ввиду уступку Италией Германии воздушной базы на одном из островов Додеканеза) — подчинена, думается нам, ее политическим задачам на востоке Европы и прежде всего борьбе с мировым злом коммунизма, цитателью которого является СССР.

17-го декабря, анализируя речь Идена в Бредфорде, «Франкфуртер Цейтунг» писала: «Никакая сила в мире не в состоянии заставить Третий Рейх признать, что восточные и юго-восточные границы Европы начерчены в соответствии с разумом и справедливостью и благословить их путем заключения гарантийных договоров... Мы согласны оставить на будущее время проблему ревизии договоров, но большевизм является для нас сегодня слишком игучим вопросом. Всем известно, что у национал-социализма нет более непримиримого идеологического и политического врага, чем большевизм... Политику альянсов Франции, которая тоже есть вопрос сегодняшнего дня, мы не считаем таким безнадежным делом. Не подлежит сомнению, что французы задумываются над этим вопросом. В течение некоторого периода времени казалось, что кроме Советского Союза и Чехословакии

Франция никого не видит. Теперь она уделяет больше внимания Польше. Со времени возобновления франко-польской дружбы проблема востока Европы приобрела в глазах Франции менее тревожный характер...».

«Франкфуртер Цейтунг» заканчивает статью ссылкой на Идена, требовавшего для Англии свободы действий в этой части Европы и требует такой же свободы для Германии.

Мы сочли нужным привести эту довольно длинную цитату из франкфуртского органа, чтобы иллюстрировать нашу мысль, что деятельность Германии следует объяснять прежде всего стремлением не допустить советскую Россию утвердиться в Испании, откуда она смогла бы диктовать свою волю Франции. На тот случай если во Франции все же победили бы советофильские тенденции и автоматическая военная конвенция стала бы совершившимся фактом, Германия, конечно, заинтересована заручиться таким серьезным козырем, как дружба признательной ей Испании.

Ня о каком намерении стеснить Англию и угрожать ее путям сообщения едва ли можно серьезно говорить. Если у современной Германии есть какие-нибудь неизменные принципы во внешней политике — то одним из таких принципов, конечно, следует считать твердую волю вождей Третьего Рейха к установлению самых тесных дружественных связей с Англией. Эта директива, очень подробно и красноречиво обоснованная в «Мейн Кампф» — неизменно проводится во времени прихода национал-социалистов к власти и нет решительно никаких указаний, свидетельствующих о том, что Берлин решил отказаться от нее.

Гораздо сложнее и извилистее пути Италия. Это, однако, слишком обширная тема, чтобы можно было ее исчерпать в этой, и так уже затянувшейся, статье. *Гайдар Вайман.*

Из истории кавказской политики

2. КОНСТАНТИН ОТЦЕУБИЦА

В самые последние годы XVI-го столетия осуществилось предпринятое шах-Аббасом переустройство военных сил Ирана. Воспользовались при этом и советами европейских «экспертов», главным образом английского авантюриста Роберта Ширлея. Конница персидская всегда превосходила турецкую: теперь обзавелись хорошей артиллерией и пехотой стрельцов, в противовес знаменитым оттоманским янычарам, грозе тех времен.

Мир и порядок, как он тогда понимался, был восстановлен сначала на восточной окраине Персии, в Хорасане. Столицу Ирана перенесли в Исфагань — опыт показал, что Тавриз и даже Казвин мало подходили для этой роли, находясь под постоянной угрозой турецких вторжений; кроме того, выбор новой столицы отвечал и основной государственной задаче Сефевидов, благоприятствуя лучшему сплочению, под знаменем шиитской идеи, разноплеменных и разноязычных элементов Ирана, в частности же турецкого северо-запада с персидским, в строгом смысле, югом.

Реорганизованная армия подверглась испытанию в нелегком походе на Балх (в пределах нынешнего Афганистана), с успехом не бог весть каким, но все же с успехом. Это было в 1602 г. Теперь обстановка созрела для сведения счетов с наследственным врагом — Оттоманской Империей, захватившей целый ряд персидских провинций с 1578 года.

Кстати, она переживала момент временного ослабления. При всем том, это был мощный противник, и решаясь на освободительную войну, Аббас старался подготовить ее не

одним лишь переустройством своей армии, но и политическим действием на массы и, особенно, на умы многочисленных вождей, местных властелинов, родовых старейшин и т. д. курдского и турецкого происхождения, подчинившихся турецкой власти в отторгнутых от Персии провинциях, от Курдистана до Каспия. Теперь среди них обозначилось движение назад к Ирану. О чувствах верующих шиитов нечего и говорить.

14 августа 1603 г. внезапным маневром Аббас захватил Тавриз. Получив такой толчек колесо фортуны завертелось в указанном ему направлении. Военные действия перешли и на кавказский театр. Турецкие гарнизоны всюду, от Аракса до Дагестана, готовились к обороне.

После занятия Нахичевана, приступили к осаде крепости Эривань. Зима помешала операциям, и они затянулись. Необходимые для бомбардировки орудия отливались тут же на месте. Наконец, в конце мая 1604 г. крепость была взята приступом.

Во время осады прибыл в лагерь Аббаса и был принят с большою помпой царь кахетинский Александр. Шах остался доволен поднесенными ему подарками. А когда Александр высыпал на Аббаса, одно за другим, несколько блюд золотых монет, нарочно для того чеканенных, шах, казалось, был в полном восторге *).

*) См. прекрасное новейшее (1932 г.) жизнеописание Аббаса I, принадлежащее перу Л. Беллан (на французском языке). Даже в таком общем обзоре бросается в глаза, какое значительное место занимали в политике Персии дела кавказские, в частности-же, грузинские.

Александр Кахетинский, Георгий Карталинский (сын бывшего тогда в турецком плену Симона) присутствовали вместе с послом Великого Могола Акбара, императора Индостана, при капитуляции Шариф-паши Эриванского. Грузинские контингенты приняли участие в приступе.

Можно было думать, что согласие между Аббасом и кахетинским династом было полное. Между тем, не прошло и года после обмена любезностями в Эривани, как Александр был убит, по распространенной версии, собственным своим сыном Константином, по наущению или даже приказанию Аббаса. Произошло это 12-го марта 1605 года в Загеме, главном торговом поселении Кахетии в 16-ом веке (по свидетельству Дженкинсона, отсюда вывозилось ежегодно в Персию одних мелких орехов в количестве 4.000 верблюжьих нош. Главная торговля была, конечно, шелком) — скоро от него и следов не осталось; расположено оно было в вынешнем Закатальском округе.

Умерщвление Александра Кахетинского и, одновременно с ним, сына его Георгия и других видных лиц достаточно поразило воображение современников. Сохранилось несколько описаний этого события; между прочим, в великолепной стихотворной эпопее Арчила Багратиона, посвященной *Жизни Теймураза I-го Кахетинского* (внука Александра) произведении 17-го века. Что и говорить, за Константином осталась в Грузии на веки слава отца- и братоубийцы. Нравственная его репутация была загублена окончательно, и на эту тему нет основания распространяться. Важнее выяснить политическую сторону драмы: она непонятна вне истории турецко-персидской войны, т. е. событий ее в 1605 г. и того, что им предшествовало.

Александр Кахетинский наследовал отцу

своему Левану, долго и искусно лавировавшему между различными опасностями, в 1575 году. Соперничали с ним из-за престола два брата, рожденных от другой матери (дочери дагестанского шамхала); оба погибли в борьбе. Александр, известный и тем, что принес присягу на верность и подданство царю Московскому Федору Иоанновичу, еще раньше, страхуясь от возможного персидского риска, отправил, кажется, в начале же своего правления, если не раньше, одного из сыновей своих, а именно названного уже выше Константина в заложники, а, кастати, и на воспитание ко двору шаха Тахмаспа. Это могло быть в 1575-6 г.г. Есть впрочем, указание и на 1574 г. (Тахмасп умер в 1576 г.). Был тогда Константин семи лет от роду. Его обратили в мусульманство. Вырос он при дворе, именовался Кюстендиль-мирза и впоследствии был очень близок к Аббасу I.

Московское правительство, считая Александра Кахетинского под своим протекторатом, хотя бы лишь номинальным, и, вместе с тем, находясь в большой дружбе с шахом, не могло, конечно, не чувствовать неловкости в том, что сын грузинского царя «обусурманен» и пребывает в Казвине, а не в Москве. О «Константине мурзе», отданном царем Александром «в прежних летах Томасу шаху для веры, что ему быть под шаховою рукою, и шаху защищать его от турецкого», т. е. от турецкого султана, сообщается уже в статейных списках посольства в Персию Григория Борисовича Васильчикова (1588-1593). В следующее посольство князя Андрея Звенигородского — вопрос о Константине был поставлен Аббасу ребром: Александр-де царь христианин греческого закона, одной с нами веры, так пусть шах, по дружбе и любви к московскому государю, пришлет царевича к нему со своими собственными послами и с ним,

Звенигородским. Константин присутствовал при этом разговоре. Шах в ответ сказал: пусть сам решает — захочет, и я не буду препятствовать. Условились, что царевич поговорит с послом. Но от этого разговора Константин уклонился. Переводчику Звенигородского, посланному просить о свидании, царевич «обусурманенный и ожененный» в Казвине, сказал: «говорить мне с князем Андреем не о чем: здесь мне Бог судил быть в холопстве». Это было в начале 1595 г.

Вопрос о грузинском царевиче ставится равным образом в инструкциях московского правительства послам кн. Вас. Вас. Тюфякину и дьяку Емельянову (1595-1598) и в наказе кн. Жировому-Засекину 1600 г. Словом, о Константине отлично знали в Москве, и если имели о нем пререkanie с Аббасом, то в самой дружеской форме.

Вообще к проявлениям «московской ориентации» Александра Кахетинского, в виду платонического в те времена характера московского протектората, шах Аббас относился без особой подозрительности. Иное дело проявления ориентации турецкой: здесь чуялась действительная опасность для персидских интересов, и шах Аббас имел, пожалуй, основание считать Александра союзником ненадежным.

Страхуясь, как мы видели, от возможных опасностей, кахетинский царь одного из своих сыновей отправил в Стамбул. Говорили, правда, что он ушел туда на свой риск, рассорившись со своими, но этому мало кто верил. Во время известной кампании Лала Мустафа паша, Александр определенно благоприятствовал туракам и помог им занять пограничную с Кахетией Шекинскую (ныне Нухинскую) провинцию, имея, быть может, на нее и свои виды. Еще большее впечатление произвело, как видно, другое обстоятельство. Ганджвинский бегларбег Шах-верди, искавший убежища от турок у Александра, был, по его

приказанию, не то убит, не то выдан неприятелю, с тем же результатом. Этого преступления ему не могли простить. С явным преувеличением, писатель позднейшей эпохи 17-го столетия Горгиджанидзе склонен был видеть в этом акте кахетинского царя причину всего, что обрушилось позже на его страну (т. е. разорения Кахетии при внуке его Теймуразе I в 1614-15 г. г.).

Впрочем, нет надобности останавливаться на обвинениях, предъявлявшихся новоявленному клиенту Москвы со стороны персидского правительства. О них многое слышал и посол кн. Звенигородский в Персии, притом из уст самого Аббаса, а также от других. Между шахом и московским царем была «дружба и братство»; в лице Турции они имели тогда общего врага, отсюда доверительный тон таких разговоров. Главное же в чем старались убедить кн. Звенигородского его собеседники (в 1595 г.), это в ненадежности Александра. В беседе посла с шахом и Константином во время какой-то потехи, кажется, в Кашане, грузинский царевич говорил Аббасу: «отец мой всем государям манит, как турецкому, так государю московскому, так и тебе шаху величеству, и верить ему никому ни в чем нельзя». Позже, в Казвине, один из вельмож Аббаса, Ферхад-хан подтвердил московскому послу: «Александр, царь грузинский, человек неправедный, одного сына дал в Кизылбаша, а другого сына своего дал турецкому»... (следует перечень «грубостей и неправд» кахетинского властелина по отношению к Аббасу).

Правда, Александр заблаговременно озабочился возобновлением связи с персидским двором — еще в такое время, когда, вследствие турецкой оккупации всего Азербейджана, сношения Кахетии с Персией были весьма затруднены; однако, ни это оказательство дружбы, ни явка в Эривань с вспомогатель-

ным отрядом в 1604 г., не изгладили, как видно, в уме Аббаса старых подозрений и прочно сложившегося впечатления о неблагонадежности Кахетинского царя в качестве союзника против турок.

Между тем, по ходу военных действий, для операций против турецких гарнизонов в Гандже, Шемахе и других городах, приобретали особое значение как раз местные силы, в частности, по близкому их соседству, кахетинские. Возникла задача использования против турок этих христианских элементов, очень ценных в глазах персиян, совместно с местными же тюркскими группами, вернувшимися теперь к прежней преданности Сефевидами и преодолевшими оттоманский соблазн. Вопрос ставился с тем большею остротой, что расстояния были велики, собственных войск не хватало, главная же забота Аббаса, естественно, была посвящена фронту Тавриз-Багдад. Впрочем, блокада Багдада, успешно предпринятая главным военным сподвижником Аббаса в это время, реформатором его армии, Аллах-верди-ханом (по происхождению грузином) была пока снята, дабы не разбрасывать сил. После взятия Эривани опустошениям подверглись части Армении в направлениях к Ванскому озеру и к Эрзеруму. Тогда-то, в районе Эривани, в долине Аракса произведены были известные разрушения, с насильственным переселением жителей в Персию (1604 г.) — «ассирийский» способ ведения войны, примененный десять лет спустя и в Кахетии. Армения и Грузия до сих пор чувствуют на себе последствия этих приемов борьбы... с Турцией.

Такова была общая обстановка, достаточно объясняющая решение Аббаса возложить именно на Кюстендиль-мирзу командование в Ширване. При этом, очевидно, имелось в виду, что как мусульманин и лицо, близкое к шаху, Константин имел достаточный авторитет

в глазах восставших против турецкого господства ширванцев; будучи же по происхождению членом Кахетинской династии, он легче, чем кто другой мог обеспечить участие в войне, вместе с мусульманами, и своих сородичей-грузин. Как бы то ни было, он приступил к исполнению возложенной на него задачи.

Прибыв в Кахетию вместе с Александром, Кюстендиль-мирза имеет затем в Загеме объяснение с отцом и братом. Особенно последнему такое возвышение Константина не могло нравиться. Между ними произошло столкновение, в сущности из-за того, чья будет Кахетия, формально же, вероятнее всего, по вопросу о предоставлении в распоряжение Константина вооруженных сил для действия против турок. Подробности столкновения неизвестны, но о результатах его мы уже говорили: они выразились пока в трупах Александра, Георгия и их ближайших советников.

Шум стрельбы и суматоху, вызванную этим убийством, слышали находившиеся в этот день (12 марта 1605 г.) в Загеме и ожидавшие приема их в аудиенции московские послы Михаил Татищев и дьяк Андрей Иванов. (Выехали они из Москвы еще при царе Борисе Федоровиче Годунове, отчет же, с упоминанием загемского «действия», представили, по возвращении, уже царю Дмитрию Ивановичу, т. е. Лжедмитрию). Как ни интересен и содержателен доклад их по вопросам, нас здесь интересующим, нет, конечно, возможности останавливаться на этих, да и на других свидетельствах (в них вообще нет недостатка). Достаточно указать, что убийством Александра и Георгия — произошло-ли оно по инициативе Аббаса (так говорили с начала же, неизвестно с каким основанием), или по произволу Константина, или же, наконец, по стечению обстоятельств, в «драке», как писали московские послы, — завершается се-

рля междоусобиц в семье кахетинского царя, наивысшихся, как было указано выше, еще при воцарении Александра. В конце же его правления сын его, Георгий (погибший одновременно с ним), устроил как-то заговор против старшего своего брата Давида. Заговор был раскрыт, участники его понесли жестокую кару; сам же Давид, воспользовавшись таким поводом, низложил отца, захватил его престол, брата же своего Георгия заключил в тюрьму. Скоро после того Давид умер; отец его вернулся к власти; Георгий вышел из темницы, сына же Давидова, молодого Теймураза (будущего царя Кахетии и поэта) мать его Кетевана, безопасности ради, отправила (в 1603 г.) ко двору того же Аббаса, где он и получил дальнейшее воспитание.

Отцеубийца или нет, Кюстендиль-мирза был провозглашен царем Кахетии. Во главе войск грузинских и «кызылбашских» (с ним было несколько ханов и султанов) он идет походом на Шеки (Нуху), наносит решительное поражение туркам, остатки которых отступают к Шемахе. Начинается осада этого города, сильно тогда укрепленного. Но начинается и разложение среди осаждающих. Грузины недовольны Константином, мало похожим на знакомых им патриархальных царей Кахетии. На него производится покушение, но ему удается спастись. Наконец, грузинский отряд, полагая, быть может, что осада Шемахи не его дело, возвращается во-сво-еяси, остальные же просто разбегаются. Удачно начатая кампания окончилась плачевно.

Не падая духом, Константин отправляется в Ардебиль на родину Сефевидов, взывает там контрибуцию с кушцов и организует на эти средства новый отряд из всякого сброда, однако, не без артиллерии. Его цель — сперва укрепиться в Кахетии. Он, очевидно не отказался от мысли соединить в своих руках Кахетинское царство и главное начальство-

ванне в Ширване — сочетание, далеко не безвыгодное для его же соплеменников. Не входя в столь обширные замыслы, они, однако, прежде всего, видят в нем отцеубийцу. и отказываются идти за ним. Во всяком случае, консервативное большинство против него, имея во главе Кетевану, мать Теймураза, которого все, не исключая самого Аббаса, считают законным наследником. Группе этой, очевидно, в политическом смысле, тоже персофильской, но твердо стоящей за христианство, — она ставит вероисповедный конформизм царя выше соображений государственной и национальной выгоды — удается вступить в переговоры о возвращении Теймураза из Персии (где, как читатель знает, он получал, можно сказать, высшее образование — было ему лет 16 — при дворе шаха). Ей, кстати, на руку и недовольство Аббаса, вызванное самочинным поведением Кюстендиль-мирзы в Ардебиле.

На первых порах ему, однако, удается завладеть вновь Загемом. Позже, защищаясь от наступающих грузин, он наносит им поражение, затем сам оказывается разбитым и гибнет (18-го октября 1605 г.) от шальной стрелы; войско же его, оставшись без начальника, разбегается.

Антоний де Гувей, посол короля испанского, в своем описании войн Аббаса (целая глава у него посвящена предпринятию Константина в Ширване) замечает, что поразившая его на смерть «шальная» стрела была в сущности направлена божественным правосудием (возмездие за отцеубийство), и что грузины прекратили стрельбу, как только узнали о смерти того, кто дал повод к их выступлению: они желали отделаться от Константина, но вовсе не собирались воевать с Аббасом.

Такия настроения, конечно, отвечали ожиданиям и желаниям шаха. Он дорожил всеми,

благоприятными ему, элементами на кавказском театре войны, где в близком будущем предстояла ликвидация турецких гарнизонов в Тифлисе, Гяндже, Шемахе, Баку и Дербенте, отложенная, после взятия Эривани в 1604 году, вследствие необходимости бороться с главными турецкими силами в Армении и Курдистане. Аббас предает забвению обстоятельства смерти Кюстендиль-мирзы соглашается на возвращение Теймураза в Грузию как хетинским царем и торжественным обрядом инвеституры (она состоялась в его лагере) и знаками особой ласки и внимания думает

привязать к Ирану молодого вассала.

Таков был эпилог истории Константина. Попытка его не удалась. Но заложенной в ней мысли, оказалось, принадлежало будущее. Цари восточной Грузии, носители традиционной власти, стали одновременно большими вельможами Ирана и клиентами Сефевидов: после предстоявших еще жертв и кровопролития пришлось довольствоваться этим компромиссным решением грузино-персидского вопроса. Добиться лучшего не могли или не умели.

3. *Авалтисили.*

Кавказ и Россия

Народы Дагестана и Черкессии со времен седой древности живут на Северном Кавказе.

Общая историческая традиция, религия, территория, нравы и социально-психическая основа их солидарности и единства были результатом длительной эволюции, как это было и в Швейцарии.

Правда, исторически они ни в средние века, ни в новое время, как и Италия и Германия, не представляли единого государства в полном смысле этого слова.

Народы Северного Кавказа, часто называемые общим именем Горцев Кавказа, будучи однородными во многих отношениях, тем не менее до XVIII в. еще политически разветвлялись на отдельные царства или княжества, и их формирование в федеративное государство началось лишь после этой эпохи. Однако, их политическая децентрализованность не мешала им еще в давние времена, объединяться в военные союзы, когда их стране угрожала общая опасность извне.

Так, под знаком единства прошла их длительная борьба с монгольскими племенами,

шедшими с Востока воинственным маршем через Урал и Кавказ на равнины Восточной Европы в течении XII - XIII в. в. Точно также северо-кавказцы отражают общими усилиями наступления старой, до-Петровской Руси, начало которых восходит к эпохе Царей Федора Ивановича и Бориса Годунова (неудачные походы воевод Хворостина — 1594 года и Бутурлина — 1604 г. на Дагестан), если не говорить о легендарном единоборстве черкесского князя Редедея с русским князем Мстиславом, сыном Владимира Мономаха, из-за обладания городом Таматарху-Гму-Таракань, на восточном берегу Азовского моря (X век).

Необходимо отметить, что взаимоотношения между старой Московской Русью и Северным Кавказом не всегда носили характер постоянной войны и жестокой вражды, которая, к сожалению, сделались обычными между ними лишь в новейшее время. Старая Русь и Северный Кавказ знали отношения мирного добрососедства.

Таковы были взаимоотношения этих двух

стран до появления на арене истории Петра Великого, который положил основание мировому владычеству России и первый из Русских Царей поставил Россию лицом к лицу с Северным Кавказом, сделав его мишенью для русских штыков. Программа империалистического расширения границ России, которая до сего времени является характерной чертой политики всех правительств России, по заветам Петра Первого, определялась следующим образом: *« нужно приблизиться, как можно больше к Константинополю и Индии; тот, кто там воцарится, будет действительным властелином мира. Следовательно, надо вовлекать в войну, то турок, то персов; построить верфи на Черном море, мало-по-малу овладеть им, так же, как и Балтийским, что является двойной целью, необходимой для успеха проекта; ускорить распадение Персии; проникнуть до Персидского залива; возобновить, если возможно, через Сирию прежнюю восточную торговлю и продвинуться до Индии — мирового склада товаров »*

Однако, оперировать с такой « голой » формулой агрессивной политики было не совсем удобно и вот, чтобы прикрыть наготу своих намерений, Петр I решил утилизировать религию и церковь. Для этого он одевает ризы « благочестивого христианского монарха » и объявляет мусульманский восток « вечным врагом христианства ». Согласно задачам государственной политики, он упраздняет независимость русской церкви, заменив власть Патриарха Святейшим Синодом — бюрократическим учреждением, ставшим послушным орудием в царских руках (нечто вроде живой церкви современного большевизма). В Святейший Синод введены духовные лица, по существу приравненные к чинам светской власти: митрополиты соответствовали чину полкового генерала, архиепископы — генерал-лейтенанта, епископы — генерал-майорам,

священники — командирам полков, и т. д. К Синоду приставлен орган государственного надзора — Обер-Прокурор, следящий в качестве « государева ока » за поведением Синода, чтобы ничто без « одобрения » и « утверждения » Царя не делалось. Любопытно отметить, что на должность Обер-Прокурора назначались большею частью гвардейские офицеры, а роль, выполнявшаяся ими соответствует функциям « политкома » или политического комиссара современного советского правительства. И так, Петр Великий сделал то, что не удавалось ни одному светскому Монарху: он создал государственно-политическую религию и стал в качестве Помазанника Божьего одновременной главой церкви и государства, а преобразованная им Империя сохранила характер замаскированной теократии включительно до царствования последнего Императора Николая II.

Когда Петр I выровнял внутреннюю структуру своего государства так, что по царскому указу стали маршировать дружными и стройными рядами духовные и светские полки, он повел наступление на Восток против Полумесяца. Он стал искусственно « вовлекать в войну то турок, то персов » и, таким образом, Кавказ, лежащий на стыке этих международных сил, будучи по существу совершенно независимой и нейтральной страной, сделался ареной кровавой борьбы между тремя державами-соперницами: Россией, Турцией и Персией, среди которых самой роковой для судеб Кавказа оказалась Россия.

Впервые армия Петра I-го вступила в войну с черкесами на Кубани в 1771 году, чтобы отвлечь европейские армии Турции во время Прутского похода. А в 1722 году Царь лично руководит походом против Дагестана и после горячих боев с Союзом Дагестанских Владетелей овладевает Дербентом — « железными воротами », открывающими путь в далекую

Индию. Смерть остановила завоевательную энергию Петра, но заветы его, или принципы его стремления к мировому владычеству, живы до сего времени и вдохновляют душу русского империализма. Почему мы и имеем основание называть Петра I-го первым интеллектуальным виновником той бесконечной драмы, которая продолжается на Кавказе и по сей час, согласно его роковому плану, инициативе и воле.

При преемниках Петра I-го Черкессия, с одной стороны, и Дагестанские владетели: Шамхал-Гарковский, Уцмий Кара-Кайтакский, Хал-Казикумукский и Чечня, с другой — объединились и повели контр-наступление против России и после ряда боев восстановили территориальную цельность Северного Кавказа, иначе говоря, Дагестана и Черкессии. При чем, во внешней политике судьба Дагестана, как бы решалась договорами России с Персией, а судьба Западного Кавказа-Черкессии, договорами России с Турцией. Проследим с начала за договорами, касающимися Дагестана. Во внешней политике освобождение Дагестана (собственно Приморской провинции его) сопровождалось двумя договорами Анны Иоанновны с Персией: Гюлистанским (1732 г.) и Ганджинским (1735 г.), по которым от России избавлялась также и Персия. Замечательно, что ни Дагестан, ни Грузия не приняли непосредственного участия в этих актах мира, касавшихся не только Персии, но, главным образом, интересов этих двух кавказских государств.

Чем же объяснить причину отсутствия в этих договорах Дагестана и Грузии? Создает ли оно основание трактовать эти кавказские государства, как несуществовавшие, или лишены права международного общения. Во все нет! Дагестанские князья и грузинские цари олицетворяли полноту суверенных прав каждый в своей стране. Следовательно, их не

участие в актах, затрагивавших интересы Кавказа, можно скорей объяснить несовершенством международных отношений эпохи и извращенными мотивами политической борьбы, которую царская дипломатия искусственно маскировала в формах религиозной войны. Очевидно, при такой постановке вопроса, интересы христианской Грузии и мусульманского Дагестана, считались поглощенными соглашениями между двумя китами, лицемерно возглавлявшими, с одной стороны, интересы Креста, с другой — Ислама. Это были договоры, содержание которых не соответствовало реальности, но зато хорошо устраивало дипломатию обеих держав — России и Персии.

Я позволю себе остановиться на религиозном моменте, которым царская дипломатия пользовалась в течение столетий на Востоке. Вокруг Кавказа образовался дипломатический треугольник религиозной провокации, в основании которого стояла агрессивная Россия, а по сторонам Персия и Турция, пытавшиеся, каждая по своему, препятствовать движению Северного колосса на Восток. Отравленная атмосфера религиозной провокации, шедшей вокруг Кавказа в трех направлениях, дурманила народное сознание как наркотики, облегчала всякие акты и операции над Кавказом. В своем стремлении на Восток, Россия, симулируя «христианскую дружбу» в отношении Грузии давила на Северный Кавказ, который, спасаясь от смертельной опасности, естественно старался опереться, с одной стороны, на Турцию (Черкессия), и с другой на Персию (Дагестан). Таким образом, создались отношения, которые можно характеризовать как естественный оборонительный союз против русской агрессии. Основанием этого союза по существу, была необходимость обороны, а формально — Ислам — привязанность мусульман к Халифу, как духовному главе правоверных. Однако, история доказы-

вает, что религиозное ослепление кавказцев никогда не было столь велико, чтобы принести ему в жертву свою свободу и государственную независимость. Грузия, проводимая «христолюбивыми чувствами» России все же не уступала никогда своего суверенитета последней, а чувства кавказских мусульман к Халифу были аналогичны тем, которые католики всех стран питают к особе Папы, и, след., не создавали для Оттоманской короны суверенных прав на кавказской территории.

Ни Дагестан, ни Черкессия, никогда не мирялись с посягательством на их независимость со стороны единой Турции или Персии; такое нарушение прав приводило всегда к войне. Так: в 1742 — 45 г. г. Надир Шах Персидский — завоеватель Великого Могола Индии — предпринял поход на Дагестан, который кончился так неудачно для «Грозы Вселенной». Шах не одержал ни одной победы над дагестанцами, а в кровопролитной битве с ними под аулом Чох (1745) потерял полное поражение и поспешил ретироваться обратно в Персию. Мы должны констатировать, что кризис, который переживала Грузия тогда и в последующее время был кризисом обще-кавказским. Он развивался на фоне религии, а причинами его были, с одной стороны, агрессивная политика России, с другой — оборонительная позиция Персии и Турции, стремившихся в целях обороны завладеть более отдаленными стратегическими пунктами за пределами своих владений. Шах Персии не поцеремонился превратить в своих вассалов единых азербейджанских ханов и тоже хотел сделать с единым Дагестаном. Трудно было бы при этом требовать от него уважения к христианской Грузии, тем более, что на нее и, вообще на Кавказ, посягала Россия *).

*) Историческая роль Грузии в этой сложной игре с 16-го столетия по сие время, поскольку

Так при первом московском царе Иоанне III Северный Кавказ имеет свое посольство в Москве в лице Кабардинского дворянина (уорка) Анфоко Адашей *). Эти отношения немного позднее принимают даже союзнический характер, чему отчасти способствовал и брак Иоанна Грозного с черкесской принцессой Марией Темрюковной.

Итак, Гюлистанский и Гянджинский договоры вернули Россию к ее исходным границам и принесли временное спокойствие Дагестану и Персии. Несколько иначе складывалось международное положение Черкессии, омываемой с Запада Черным морем. По Царьградскому трактату (1700), заключенному между Блистательной Портой и Россией, г. Азов отходил к России, а граница между последней и Черкессией обозначилась по линии, немного южнее «от Азова (10 часов конской езды в сторону Кубани)». Однако, спустя 11 лет после этого, как сказано выше, петровский воевода Апраксин нарушил эту границу и имел сражение с черкесами на Кубани. Заключением Гюлистанского и Гянджинского трактатов Россия имела в виду обезопасить себя со стороны Персии на случай назревавшего с Турцией конфликта, которого недолго пришлось ждать. В 1736 году вспыхнула новая война с Турцией, во время которой часть русской армии, соединившись с калмыцким ханом Тундуг-Омбо повела наступление на Черкессию в Предкубаньи. Само собой понятно, что при таком положении вещей горцы сочли за свою естественную со-

она становилась на сторону русского империализма составляет особый предмет суждения, к которому вернемся как нибудь в другой раз.

*) Не безинтересно отметить, что известный государственный деятель и дипломат Ал. Адашев, украшавший вместе с Сильвестром лучший период царствования Иоана Грозного был сыном этого кавказского посланника Адашей от брака с москвичкой «белой как снег, с глазами как небо». Никифоров, «Крым и Кавказ». — А. К.

юзницу Турцию и стали с ней действовать заодно против России. Война эта кончилась неудачно для последней и была завершена Белградским трактатом (1739 года), по которому Россия теряла всякие права на Черном и Азовском морях в пользу Турции — «никакой корабельный флот, ниже иных кораблей иметь и строить не могла». Кроме того, в силу того же трактата, впервые Россия и Блистательная порта согласились признать независимость Северо-Кавказского государства, названного Большой и Малой Кабардой: «и быть тем Кабардам вольным и не быть под владением ни одного ни другого Империя, но токмо за барьеру между обоими империями служить имеют». Приблизительно в то же самое время, с.-кавказцы по особому соглашению предоставили своей союзнице Турции право пользования морскими базами Анапы и Новороссийска (Сунджук-Калэ). Таким образом, резюмируя сказанное до сих пор, мы

видим счастливый момент, когда в обеих частях Северного Кавказа, т. е. в Черкессии и Дагестане последствия завоевательной политики России, так энергично начатой Петром 1-м, были ликвидированы. Северный Кавказ, а следовательно, и весь Кавказ, стал «барьерой», или государством-буфер, в качестве какового получил свое признание двумя державами — Турцией и Россией. Установилось положение, которое является и до сих пор единственным естественным состоянием для народов Кавказа, государств передней Азии и мирового равновесия. К сожалению, мир и спокойствие на Кавказе и на Востоке продолжались не долго. Со вступлением на русский Престол Екатерины II-й, вновь воскресла завоевательная традиция России и вновь запылал пламень войны на Кавказе и в Азии — началась мрачная эпоха, к которой мы вернемся в другой раз.

А. Кантемир.

Кавказ между Севером и Югом

АРМЯНСКИЙ ВОПРОС

В предыдущих статьях о положении Кавказа между Севером и Югом мы попытались на основании скудного материала, представленного нам представителем одной из грузинских групп, находящейся к нам в оппозиции, пролить некоторый свет на взаимоотношения Севера и Юга с Грузией в историческом прошлом и в настоящее время. Этот исторический обзор был бы неполон, если бы мы не разобрались и в положении армян между теми же факторами, какими являются Север и Юг в судьбах Кавказа.

В № 4 «Кавказа» в ответственной статье «Кавказская Конфедерация и армяне», одобренной руководящей политической группой «Кавказа» — Гайдар Баммат, подробно изложил наше отношение к армянской проблеме и закончил ее призывом к армянским ответственным деятелям «выступить перед широкой Кавказской аудиторией с изложением их понимания, стоящих перед нами политических целей. «Мы можем заверить армян — писал Гайдар Баммат — что со стороны политической группы, объединившейся вокруг

журнала «Кавказ», они встретят самое внимательное отношение и искреннюю готовность объективно и беспристрастно разобратся во всех интересующих их вопросах!! Такого выступления со стороны армян ждать пришлось довольно долго, но все же оно состоялось. Один из виднейших представителей партии Дашнакцутюн — Джамалиан выступил в конце минувшего лета в обществе изучения Кавказа с докладом на тему: «Армения и ее взаимоотношения с соседями». Этот доклад, о котором речь будет ниже, восполняет тот материал, который нам дает некоторую возможность разобраться в положении армян между севером и югом, а также в положении их в семье Кавказских народов.

Объективность и справедливость, с которой журнал «Кавказ» желает разобраться в этой сложной, а для Кавказа и важнейшей проблеме, в данном случае облегчается тем, что мы, взявшие на себя трудную задачу — пролить свет на армянскую проблему — принадлежим к семье горцев. Известно всем, что между горцами и армянами счетов никаких не существует. В нашей истории не было и нет армяно-горской розни. С небольшими колониями армян, — имеющимися на Сев. Кавказе, мы всегда делим хлеб-соль и можно без преувеличения сказать, что жили по-братски. К этому нужно добавить, что политическое и стратегическое положение горцев и армян совершенно одинаково. Мы истреблялись на Севере, так же, как армяне на Юге. Никто поэтому не может повять положения армян так, как мы, горцы. Все это как будто бы обеспечивает мне возможность подойти к затронутому вопросу со всей объективностью. Нельзя, однако, не согласиться с тем, что армянская проблема все же сложнее, чем проблема других народов Кавказа. Политическое поведение армян, которое мы склонны понимать, как антикавказское, заслуживает вни-

мательного к себе отношения, без резкого наперед осуждения. В основе взаимоотношений Армении с Россией, с одной стороны, и Армении с Турцией, с другой, лежат разные причины, хотя и находящиеся в непосредственной связи. Эти взаимоотношения, так сказать, внешнего порядка определяют положение армян в семье Кавказских народов.

Для удобства выводов мы рассмотрим историю взаимоотношений Армении с Россией и отдельно с Турцией. Само собой разумеется, что материалы, имеющиеся в нашем распоряжении далеко не исчерпывают всей истории этих взаимоотношений. По незнанию армянского языка армянские источники остаются для нас недоступными. На русском же языке здесь, в эмиграции, тоже не так много можно найти. Есть, однако, чрезвычайно интересные документы Российского министерства Иностранных Дел о планах России раздела Азиатской Турции, опубликованные большевиками. По этим документам с несомненностью устанавливается подлинное отношение России к Турции и Армянам и роль, отводившаяся ею в этих планах армянам.

При внимательном изучении этих документов начинаешь понимать причины той жестокой вражды, которая искусственно культивировалась на протяжении нескольких десятилетий между турками и армянами, с одной стороны, и между турками и греками, с другой. Необходимо, однако, отметить, что основные препосылки, породившие Греко-Турецкую и Армяно-Турецкую вражду различны, а отсюда и различное к ним психологическое отношение со стороны турок, что вероятно и облегчило нынешней Греции и Турции найти общий язык и установить между собой не только нормальные отношения, но и вполне дружественные, приведшие к подписанию между обеими странами договора дружбы.

Общезвестно, что Россия, угнетавшая у

себя все нерусские национальности, устраивавшая в «черте оседлости» еврейские погромы, на Кавказе Армяно-татарскую резню, Россия, которая преследовала на Украине не только школу, но даже чудное украинское пение, и которую сами русские окрестили тюрьмой народов, эта самая Россия постоянно выступала в европейском концерте держав в качестве защитницы турецких армян и требовала создания особой армянской автономной области под властью генерал-губернатора из христиан и под покровительством великих держав. Грандиозную интригу, делавшуюся против независимости Турецкой империи, армяне, повидимому, искренне и всерьез поняли, как заступничество за армянское христианское население «в окружении враждебной исламской стихии» — как принято теперь выражаться в кругах армяно-грузинского унiona.

Короткие телеграммы бывшего Российского министерства иностранных дел, которыми полна вся книга «Раздел Азиатской Турции» — говорят больше, чем все то, что написано об армянах во всей Кавказской прессе. Может быть, эти документы помогут раскрыть глаза, хотя бы одному-двум армянам, и я был бы счастлив этими скромным достижением.

С началом великой войны тактика России в отношении армян изменилась, в соответствии с теми захватническими возможностями, которые война открыла перед ней. Роль защитницы армянских интересов явно начала мешать истинным намерениям России. Мало этого, армяне из объекта защиты стали объектом захвата.

Переговоры между союзными державами о разделе Азиатской Турции начались в 1915 году, когда союзные державы начали верить в конечную свою победу над центральными державами. Мы из этих сношений заимствуем то, что прямо касается нашей темы. Эта

серия документов начинается с телеграммы посла в Париже Извольского Министру Иностранных Дел Сазонову от 16-I-1915 г. за № 22.

«Личная. Здесь обратила на себя внимание статья Милюкова об армянском вопросе в «Речи» от 5 декабря. Считаю долгом предупредить вас, что из разговоров моих с Делькассе я мог заключить, что, в случае раздела Азиатских владений Турции, Франция, вероятно, потребует для себя не только Сирийское побережье, но и Александретту, в особенности, если Смирна будет присуждена Греции. Извольский».

К сожалению, содержание статьи Милюкова не приводится, но в телеграмме Извольского делается особое ударение на Александретту. Это наводит на некоторые догадки о тех аппетитах, которые существовали в те времена в русских политических кругах.

В ответ на эту телеграмму Извольского, повидимому, обеспокоенного чрезмерными захватническими планами Петербурга, Мин. Ин. Дел Сазонов телеграфировал Извольскому от 19-II-1915 г. за № 937.

«Сегодня мной составлена совместно с французскими и великобританскими послами памятная записка следующего содержания: ход последних событий приводит Его Величество Императора Николая к мысли, что вопрос о Константинополе и проливах должен быть разрешен окончательно и сообразно вековым стремлениям России. Всякое решение будет недостаточным и непрочным в случае, если город Константинополь, Западный берег Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, а также Южная Фракия до линии Энос-Мидия не будут вверде включены в состав Российской империи. Равным образом и в виду стратегической необходимости часть

азнатского побережья в пределах между Босфором рекой Сакарией и подлежащим определению пунктом на берегу Исмидского залива, острова Мраморного моря, острова Имброс и Тенедос должны быть включены в состав Империи».

Как видим, программа захвата на первых порах начала переговоров между союзными державами о разделе Азиатской Турции была довольно значительна, хотя до Александретты и очень еще далеко. Но если взглянуть на карту, то не трудно понять, что, если бы эти планы осуществились, то Россия занимала бы командное положение над всей северо-восточной и центральной Анатолией. Спрашивается, что стало бы при этих условиях с Арменией?

Все значение этих притязаний было учтено Французским правительством, которое в свою очередь заявило претензии на территории, которые далеко вклинились в тылу России. Французский посол в Петербурге формулировал эти претензии в телеграмме от 1 марта 1915 г. за № 1151. Сазонову, находившемуся в то время при ставке царя:

« Я был бы признателен Вашему Превосходительству, если бы Вы сооблаговолили довести до сведения Его Императорского Величества, что правительство республики, обсудив мирные условия, которые следовало бы предписать Турции, желает аннексировать Сирию, включая область Александреттского залива и Киликию до хребта Тавра. Я был бы счастлив незамедлительно заверить мое правительство в согласии его Императорского Величества на это пожелание. Палеолог ».

Телеграмма Палеолога не вызвала особого удовольствия в Петербурге. Непосредственное соседство в Анатолии с великой европейской державой, как Франция, России совершенно не улыбалось, но и отказать Франции

в своем согласии на эти территории было невозможно в виду тех чрезмерных аппетитов, которые Россией были ранее заявлены. Чтобы отвести французскую угрозу, Петербург вспомнил об армиях, которых всегда держал в резерве для надобностей всякого рода интриг в Турции. По поручению тов. мин. ин. дел Нератова канцелярия министра телеграфировала в Ставку для Сазонова от 2 марта 1915 года:

« Прошу передать министру: по поводу французского сообщения. А. А. Нератов высказывает следующие соображения: по его мнению надлежало бы указать французам, что армяне, по нашим сведениям, мечтают о Мерсине с областью, населенной армянами и что включение этих местностей в зону французских притязаний может вызвать среди армян разочарование по отношению к Франции. При том надлежало бы объяснить французам, что мы обращаем на это их внимание, дабы они не могли упрекнуть нас в том, что мы не осведомили их своевременно об армянских вождедениях. В заключение А. А. Нератов полагал бы, однако, необходимым заявить французам, что если Франция признает для себя присоединение Мерсины важным и необходимым, то мы, конечно, не будем этому препятствовать. Базили ».

Выразив готовность не препятствовать французским притязаниям в Киликии, Русское правительство было не на шутку обеспокоено возможностью для Франции утвердиться в Киликии. Особые опасения вызывались не тревогой за судьбу армянских вождедений, а, как мы увидим ниже, беспокойством, как бы республиканская Франция со своими свободными традициями и в самом деле не установила бы в Армении свободный автономный режим, который по мысли русского прави-

тельства мог бы явиться серьезным соблазном для народов Кавказа и толчком к серьезным национальным движениям на Кавказе. В этих целях решено было еще раз попытаться отговорить Францию от притязаний на Киликию, но уже обходным путем. Для этого Министерство Ин. Дел снарядило делегацию армян в Париж и Лондон в составе известного армянского общественного деятеля доктора медицины Завриева, к которому в Париже присоединился Нубар-Паша. Названной делегации было поручено организовать широкую пропаганду во Франции и Англии в пользу создания Великой Армении с Киликией, Мерсиной. Тов. Мин. Ин. Дел Нератов по этому поводу телеграфировал послам в Париже и Лондоне от 4 апреля 1915 г. за № 1721.

«Армянский деятель, русско-подданный, доктор Завриев, известный Министерству с наилучшей стороны выехал во Францию и Великобританию с целью расположить правительства и общественное мнение в названных странах в пользу осуществления армянских вождедений. Завриев просит ввести его в политические круги и оказать ему покровительство. Нератов».

Приехавший в Париж доктор Завриев, радуется, явился к Извольскому и представил ему программу армянских вождедений, одобренную в Петербурге. Тем не менее Извольский решил запросить инструкций от Сазонова, которому телеграфировал от 4 мая 1915 года за № 318.

«Приехавший сюда доктор Завриев представил мне памятную записку о результатах своих бесед в нашем Министерстве Иностр. Дел. В записке этой сказано, между прочим, что Россия намерена создать в пределах Турции автономную Армению. Территория Армении должна будто бы обнимать не только все

армянские вилайеты, но Киликию с портом на Средиземном море, в Мерсине, исключая весь Александреттский залив с Юмурталиком... Не откажите поэтому уведомить меня, действительно ли выше-сказанная программа одобрена Вами и в какой мере я должен поддерживать ее здесь. Пункт, касающийся Киликии, кажется мне особенно деликатным, ибо Франция уже заявила нам о своих видах на эту область. Извольский».

Ответ Сазонова на эту телеграмму весьма поучителен для всех, кому даво понимать смысл простых и ясных слов. Он красноречиво свидетельствует, что традиционная «защита» Россией армянских вождедений, в которую так глубоко уверовали и продолжают верить и по сей день некоторые армянские политические круги были в руках русского правительства ни чем иным, как простым орудием русской завоевательной политики и политики сложных интриг в Турции.

Вот эта телеграмма Сазонова Извольскому от 5 мая 1915 г. за № 2307.

«Беседы с армянами носили чисто академический характер. Никакой определенной программы Завриеву указано не было. На его просьбу иметь в виду чаяния армян видеть Киликию включенной в пределы будущей армянской области, ему было отвечено, что мы не можем поддерживать такое пожелание в виду господства в Киликии французских интересов».

Не трудно усмотреть из приведенных документов, что русское правительство не оказало армянам никакой дипломатической поддержки в союзных странах. Однако, надо отдать справедливость доктору Завриеву и Нубар-Паше: они развили в Париже и Лондоне очень большую активность, завязав связи не только в политических кругах, но и в обществе и в прессе. Эта активность армян нача-

да даже несколько беспокоить русских представителей в Париже и Лондоне и каждый из них запросил инструкции из Петербурга на случай успешной пропаганды армян. Извольский телеграфировал Сазонову 1 июня 1915 года за № 377:

«Пребывающие в Париже доктор Завриев и Нубар Паша держат меня в курсе своих разговоров с французскими правительственными лицами, политическими деятелями и журналистами с целью склонить их к принятию армянских пожеланий... Я продолжаю тщательно воздерживаться от обаяния какой-либо поддержки пожеланиям Завриева и Нубар Паши. На случай, если бы действительно здесь высказалась склонность принять вышеизложенный план (армянских вождедений) не откажите уведомить меня в какой мере он встречает сочувствие с нашей стороны».

Русское правительство, конечно, знало о пределах «армянских вождедений». Роль доктора Завриева вполне свидетельствовала о том, что Кавказская Армения в плане армянских деятелей не исключается из Великой Армении, поэтому телеграмма Извольского в Петербург не вызвала особых восторгов. С этого момента при всех случаях, говоря об армянах, Российское Мин. Ин. Дел особо подчеркивало, что речь идет о *турецких* армянах. В соответствии с этим Сазонов и ответил Извольскому от 3 июня 1915 г. за № 2850.

«Если армянским делегатам удастся склонить Парижский кабинет ко включению Киликия с гор. Адапа и Мерсина в состав будущей армянской области, то Императорск. правительство может только сочувствовать исполнению пожелания *турецких* армян, которым оно искони покровительствовало».

Спустя месяц после вышеприведенной де-

пешки Сазонова, он же сообщает послу в Лондоне гр. Белкендорфу от 7 июля 1915 г. за № 3476.

«Образование автономной армянской области под сюзеренитетом Султана и под тройным протекторатом России, Франции и Англии явилось бы естественным развитием исконного благожелательного отношения к *Турецким* армянам. Окончательного решения на этот счет Императорским правительством, однако, еще не принято и *все беседы с армянами носили чисто академический характер*» (курсив мой Т. Е.).

Замечательно то, что за много лет до войны ни кто иной, как Россия требовала создания особой армянской области. План об организации этой области у русского правительства всегда был под рукой, им оно козыряло каждый раз, когда это ему нужно было для интриг в Турции, а вот теперь когда как будто бы осуществление особой армянской области становилось вопросом дней, у русского правительства не оказалось никакого решения и все разговоры, оказывается, были пустыми словами!

Чтобы окончательно уразуметь цену «исконного благожелательства России к турецким армянам (о Кавказской Армении нет и речи. Т. Е.), мы приведем несколько строк из всеподданнейшего доклада Сазонова Императору Николаю II. Доклад последовал в ответ на проект Союзных держав о разделе Турции. Проект этот известен под именем проекта Пико-Сайкса. По этому проекту союзники предлагали России Эрзерум, Битлис, Ван с минимальным количеством армянского населения. А «Малую Армению» отдавали Франции, причем французская зона должна была стать по проекту «средоточием армянского национального чувства». По этому поводу Сазонов докладывал государю:

«Появление на большом протяжении нашей Азиатской границы в местностях со смешанным и беспокойным населением великой европейской державы, хотя бы в настоящее время и союзной нам и внедрение ее углом в русско-персидскую границу — должно быть признано нежелательным. Для нас — продолжает Сазонов — наиболее выгодной была бы общая граница на юге с *каким-либо слабым мусульманским государством в виде арабского халифата или Турецкого султаната*»... (курсив мой. Т. Е.).

Как видите не только об армянских вождениях о Великой Армении, но и вообще об армянах уже речи нет. Россия, которой армяне так доверяли и продолжают доверять по сей день, уготовляла Армении участь русской провинции, или, в случае неудачи этого плана, вместо автономной Армении под французским мандатом, проектировала оставить армян под властью «маленького арабского халифа Турецкого Султаната». Это доверие к России и расчеты на нее стоили армянам жизни, можно сказать, почти всего армянского народа в Турции. Научил ли этот опыт чему-нибудь сегодняшних руководителей Дашнакцгюна?..

Но перлом политики лжи и обмана, в которую, как загипнотизированные, уверовали армяне, является письмо Сазонова к Наместнику Кавказскому Вел. Ки. Ник. Николаевичу от 14 июня 1916 г. за № 540.

«Занятие нашими войсками почти всей Великой Армении — писал Сазонов — и предстоящее *включение ее в пределы Российской Империи* (sic) (курсив мой. Т. Е.) ставит на очередь вопрос о будущем устройстве этой области... Что касается широкой автономии армянам, то не надо забывать, что *в Великой Армении армяне никогда не составляли большин-*

ства. (Курсив мой. Т. Е.). Это соотношение во время войны еще больше изменялось не в пользу армян, едва ли составляющих теперь даже одну четвертую часть населения. При таких условиях армянская автономия в действительности приведет к несправедливому порабощению большинства меньшинством. Вместе с тем нельзя не согласиться с мнением, (очевидно, в правительственных кругах было и такое мнение. Т. Е.), по которому армянский элемент должен быть принсен в жертву мусульманскому... Такое решение вопроса поставило бы Россию в неловкое положение (очевидно, перед другими державами), так как из всех держав Россия наиболее энергично отстаивала проведение армянских реформ в Турции»...

Сазонов полагал, что «самое лучшее применить одинаковую законность ко всему населению в завоеванных областях, предоставив армянам *в известных рамках школьную и церковную самостоятельность и право пользования языком*». (Курсив мой. Т. Е.).

На это письмо наместник Кавказа Вел. Ки. Николай Николаевич ответил Сазонову:

«Армянский вопрос в пределах ныне существующей России *совсемно отсутствует и не следует даже допускать упоминания о таком*»... (Курсив мой. Т. Е.).

Чтобы покончить со сводкой официальных документов, рисующих истинное отношение России к армянам, необходимо привести еще хотя бы несколько строк из большого письма бывшего Гавноуправляющего землеустройством и земледелием Кривошеина к министру иностр. дел Сазонову.

Кривошеина завоеванные области интересовали, как новый колонизационный земельный фонд и в этом отношении он особенно нацелился на Армению.

...«Другой областью — пишет Кривошеин, — лежащей к юго-востоку от первой, является бассейн верхнего течения Аракса и Евфрата *обыкновенно называемой Арменией* (курсив мой), которая вполне пригодна для русских поселенцев... Сообщая об изложенном, долгом считаю обратиться к Вашему Высокопревосходительству с покорнейшей просьбой принять во внимание приведенные соображения при предстоящих мирных переговорах».

Кажется нам, что приведенные документы в комментариях не нуждаются, но при их чтении невольно напрашивается трагический вопрос: во имя же чего армяне бились, при-

несли в жертву, что называется, весь народ? Положа руку на сердце, уму непостижимо нынешнее политическое поведение некоторых армян, желание снова во что бы то ни стало впречься в русское ярмо. После этих документов трудно, думается нам, не согласиться с мнением, что едва ли на территории бывшей России есть другой народ, который был бы более дерзко и бесжалостно обманут русскими, как армяне. Не рискуя впасть в парадокс, можно утверждать, что армянский народ в Турции погиб, став жертвой русской захватнической политики.

Тамбий Елехоти.

Илья Чавчавадзе и грузинские марксисты

Всем хорошо известна затея большевиков — упразднить «феодално-буржуазную» литературу и заменить ее «пролетарской». Малограмотные и бездарные люди, обезьяны за плату сразу переписались в цех пролетарских писателей.

Затея оказалась явно вздорной. После долгих лет гонений на подлинную литературу и приказов, поощрения и пособий, чтобы пролетариат, во что бы то ни стало, проявил свое литературное творчество и большевикам стало ясно, что ум, талант, вдохновение и творческий дух дается не классу, хотя бы и «привилегированному», каким является пролетариат в советском государстве, а просто человеку, если, на зло, человек этот не Демьян Бедный! Пролетарская литература не дала ни одного заметного таланта, ни одного подлинного произведения.

Нечего делать, было приказано, соблюдая марксистскую дистанцию, чтить и уважать

«классиков». Стали издавать их сочинения, готовить им юбилей, составлять эскизы для их памятников.

В Грузии, в числе изданных классиков оказался и Илья Чавчавадзе. Этого мало, и в 1937 году должны состояться всенародные торжества в ознаменование столетия со дня его рождения; юбилей этот устраивается советской властью, тифлисским университетом и всем грузинским народом.

В Тифлисе должен быть поставлен ему памятник, улицы в городах Грузии будут называться его именем, госиздат снова должен издать его сочинения, ибо первое советское издание, безусловно «академическое», было по чьей-то воле осквернено, включением туда паршивой и гнусной статьи Ф. Махарадзе, написанной против Чавчавадзе еще в 1905 году.

Но есть одно большое неудобство.

Как известно, Илья Чавчавадзе, вождь на-

циональной Грузии, еще при жизни, был травим грузинскими марксистами, а потом и убит на почве этой травли и его всенародного «развенчания». Эту злобу к нему марксисты сохранили и после убийства.

Еще в 1931 году Ф. Махарадзе писал о нем:

«Чавчавадзе был сын знатного князя, помещик и владелец крестьян. Он был эксплуататором рабочих и крестьян. Как писатель, Чавчавадзе был реакционер, вернейший защитник интересов помещиков, обожатель феодальной Грузии и монархист».

Такого же мнения были о нем и грузинские меньшевики. В газете «Литературная Грузия», выходящей в Тифлисе, видный грузинский меньшевик, С. Девдариани, открыто заявляет, что отношение их к Илье Чавчавадзе было «хамским». А меж тем, в наступающих торжествах Чавчавадзе должны принять участие поголовно все.

Как же быть теперь? Как же это «хамы» должны справлять столетие со дня рождения поэта?

Но большевики народ бравый.

Если с Чавчавадзе хамили меньшевики и Ф. Махарадзе с товарищами, то надо греть меньшевиков и Махарадзе с товарищами, а пока заняться реабилитацией Чавчавадзе.

И вот теперь мы являемся свидетелями довольно неожиданного, чтобы не сказать

больше, эпилога той трагедии, которая двадцать девять лет тому назад разыгралась на берегах Арагвы и которая так опозорила тогда Грузию.

В настоящее время грузинские советские газеты полны статьями об Илье Чавчавадзе, об его великом значении для всей новой Грузии, о блеске его пера, о бессмертии творений, созданных им.

Идут же, как бы желая отделить себя от настоящих виновников, большевики параллельно заявляют, что только «Меньшевистская критика и товарищ Ф. Махарадзе, с другой стороны, являются основными источниками антимарксистского понимания творчества Чавчавадзе, усвоенного представителями вульгарного «социализма».

Эту маленькую цитату из большой статьи неведомого мне большевика Бен. Буачидзе, я привожу из газеты «Коммунист» и полагаю, что удлинять мою статью еще другими цитатами не следует. Как нисколько, но в оценке Ильи Чавчавадзе спотыкается и товарищ Бенито Буачидзе. Большевиком слишком тернистый букет, чтобы безумно впитаться в его аромат. Для нас достаточно и того, что луч относительной правды хоть мгновенно пал на образ поруганного патриота, над которым грузинский марксизм справлял такую долгую тризну.

Ш. Амираджиби.

Проблема очага и семьи в СССР.

*Ослабление авторитета родителей *)*

III.

В момент, когда большевики захватили власть, они пожелали иметь с ними юные по-

коления, так как они знали, что «стариков» будет трудно превратить в адептов марксизма, тогда как молодежь, воспитанная исключительно в коммунистической обстановке,

*) См. «Кавказ» №№ 7 и 9.

могла бы дать пролетарскому государству верных служителей. Надо было, поэтому, во что бы то ни стало отделить их от «старья» и взять их под полное влияние партии. Вот почему «просвещенные» советской школы систематически направлялось против родителей «карающему мечу пролетарского суда», их шпионов, контролировать их действия, их слова — вот каковы были уроки гражданской добродетели, преподаваемые малышам....

Ревизители нашлись, так как пролетарское государство знало как взяться за дело. Много маленьких доносчиков, после того как они предали ГПУ их отцов, матерей или других родственников, стали «важными персонами», к которым шли все похвалы, все почести, все награды. Советская пресса отзывалась об этих невольных отцеубийцах, как о каких-то героях, украшала свои страницы их фотографиями, наполняла свои столбцы эпическими рассказами об их подвигах, выставяла их примером «чувства социалистического долга» и т. д. Вся страна должна была запомнить имена этих «октябрят», всех этих Костюшко, Соколовых, Морозовых, Сорокиных и т. п., которые донесли «политсекции» на своих родителей, виновных в том, что они своровали хлеб — может быть, для того, чтобы прокормить этих маленьких чудовищ, которые их предавали. Некоторые среди этих блудных сынов стали даже писать стишки против своих родителей, стихи, помещаемые советской прессой с большим энтузиазмом. Та самая «Правда», которая сегодня мечет громы и молнии против плохого поведения молодежи, недавно еще помещала «лирический» памфлет одного двенадцатилетнего мальчугана, Прони Колыбина, памфлет, направленный против своей собственной матери, которую он предал политсекции, как «воровку социалистического добра». Вот этот документ:

Журнал воспроизводит известные стихи

Проти Колыбина, напечатанные в «Правде» от 20-го мая 1934 года и перепечатанные уже в одном из прошлых номеров Кавказа.

Написал-ли сам маленький Проня эту «поэзию» или же за него написали другие, мальчугану дали за это государственную стипендию. Что же касается его матери, советская пресса не говорит нам, что стало с ней; но известно, что по закону 7-го августа 1932 года, кража «социалистического добра» карается строго, до смертной казни включительно...

Мы прочли также «трогательную» историю этой маленькой девочки, Ольги Балыкиной, которая предала ГПУ своего отца, виновного в том же проступке — «кража социалистического добра» — и что же? — все дети СССР узнали, что награды и почести, которыми были осыпана молоденькая доносчица: место в одной из лучших школ, 100 рублей ежемесячной стипендии до окончания курса, книги, белье и пр. *).

Но политика, состоящая в противопоставлении детей родителям, в дискредитировании, унижении этих последних, дополняет дело раз'единения и развала советской семьи. Родители не только лишены авторитета и права над своими детьми, но еще малыши ничуть не стесняются критиковать, задевать «старье» и при каждом случае давать им уроки благопристойности и хорошего тона, гражданства и патриотизма, присущих каждому доброму гражданину социалистического отечества. Вот одна сценка, приводимая «Известиями»**) и доказывающая, что настроение детей, принадлежащих к культурным кругам, насколько не отличается от такового, существующего у детей крестьянской среды: мать — секретарша института математики и механи-

*) «Известия» от 28 марта 1935 года.

**) № от 22 мая 1935 года.

ки Ленинградского университета; ее обвинили незаслуженно в растрате 50.000 рублей, принадлежащих этому институту. Расследование установило, что речь шла у клевете, но инцидент этот так расстроил здоровье несчастной женщины, что она была вынуждена пробыть некоторое время в одной санатории. При своем возвращении, когда она захотела поцеловать своего 10-летнего мальчика, тот, надушенный и злой, отстранился моментально, крича:

«Почему ты украла эти 50.000 рубле)»!

И на изумление своей матери, мальчуган продолжает зло:

«Да, весь дом знает об этом... Дети меня дразнят, говоря, что «твоя мать — воровка». Тебя выгнали из правления Исакта, как воровку и *классового врага*... Так вот и я не хочу жить с тобой»!

«Ухаживание» за детьми, полицейские миссии, им поручаемые, получение доноса — все это вселило в мальчиках чувство тщесла-

вия, расстроило их дух, развратило их сердце. В настоящее время это развращение обобщается не только против родителей, но также и против общества и государства. Бушующие страсти детских душ не знают больше никакой преграды. Дети делают все, что им правится, ни на йоту не считаясь с родителями. Опасность начинает чувствоваться для самого государства и вот что пишет «Правда» по этому поводу:

«Впадают в крайность. Свобода и равенство, которыми пользуются дети как в семье, так и в школе и на улице, обязательное внимание, которое должны уделить взрослые по их адресу, понимаются молодежью, как поощрение к самоуправству и хулиганству, как гарантия безнаказанности за какой угодно проступок» *).

(Продолжение следует).

*) № от 9 апреля 1935 года.

Политическая спекуляция

(ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ)

Совершенно случайно попал в наши руки (Сентябрь, 1936), изданный, якобы, Центральным органом этой партии. Из этого бюллетеня мы впервые узнали, что в августе этого года состоялось под председательством М. Э. Ресул заде специальное собрание, названное конференцией.

При чтении этого бюллетеня всякому, кто сколько-нибудь следил в эмиграции за жизнью и деятельностью этой партии, ярко бросается в глаза грубое искажение одних фак-

тов и сознательное умалчивание о других, грубое бахвальство, самореклама и демагогический максимализм, при наличии которых только и возможно было принятие тех решений, которые имели место на конференции.

Неискренность и фальшивость всей этой кампании станет очевидно, если мы коснемся некоторых из этих решений.

«1. — В нашей эмиграции ни для кого не секрет, что много лет в Центральном комитете партии царил глубокое недовольство М. Э.

Ресул Заде и некоторыми его ставленниками.

Оно было вызвано некорректными их действиями и злоупотреблениями *), и привело, в конце концов, к расколу, который получил свое оформление на специальной конференции членов партии, состоявшейся в конце 1933 года. Вынесенная по сему поводу на конференции резолюция гласит:

«18 Декабря 1933 г. состоялось чрезвычайное собрание членов партии «Тюрк Федералист Фиркаси Мусават», на котором участвовали и делегаты, прибывшие из других мест. В связи с общими вопросами подвергнуто было обсуждению и состояние партии. Вынесен был ряд важных решений. Между прочим, рассматривая партийные дела, Собрание констатировало:

«1 — Обострение отношений между огромным большинством членов партии и председателем ее М. Э. Ресул Заде, вызванное расхождением по вопросам принципиального, тактического и организационного характера,

«2 — Самоличные и эгоистические действия Председателя,

«3 — Безформенное состояние партии, Центральный орган которой распался уже два с половиною года тому назад и вследствие указанных причин не возобновляется,

« — Изоляцию партии, как результат такой системы партийной работы ».

На этом основании Собрание постановило: « не считать М. Э. Ресул Заде Председателем Партии, отгородиться от него, и, заменив его другим лицом, восстановить Центральный Орган ».

Согласно этому решению состоялось: избрание как нового Председателя, так и Центрального Органа партии.

*) Часть материалов и документов, освещающих эти вопросы приведены в книге Ш. Рустембеяли «Трагическое падение М. Э. Ресул Заде» (1935 г., Стамбул).

Вместе с тем Собрание, отметив, что в условиях переживаемого (родиной момента, нет места узкопартийной работе, выразило горячее пожелание вступить в теснейшую связь с представителями других политических течений и здоровыми силами страны и всего Кавказа и совместно с ними образовать общий органический фронт освободительной борьбы ».

Своевременно это постановление конференции было опубликовано в журнале «Кавказ» (Апрель 1934 г., Париж) и вновь образованный Центральный орган партии с означенной даты по сей день ведет самостоятельно и независимо от дезавуированного г. Ресул Заде и оставшихся вокруг него осколков партии свою политическую работу, успев между прочим за этот период времени образовать в местах рассеяния своих партийных товарищей секции, наладить тесное сотрудничество с настоящими представителями горцев Сев. Кавказа, установить связь с виднейшей группой политических деятелей Кавказа, собравшихся вокруг журнала «Кавказ», на предмет создания действительного Обще-Кавказского Центра и т. д.

Между тем, г. Ресул Заде на конференции обходит молчанием раскол партии, представляя ее единой и монолитной, и под предлогом «чистки» ее добивается для эффекта исключения четырех членов партии, находящихся в отделившейся части ее, за то, что они выступали против особы «испытанного» (читайте: в злоупотреблениях) лидера, г. Ресул Заде, и кадров партии (читайте: Кязым заде), и объявления по адресу остальных, как еще, якобы, колеблющихся, снисходительного предостережения, что и их ожидает та же участь, если осмелятся на подобное выступление.

Факты сами за себя говорят. Исключение кого бы то ни было из организации, в кото-

рой он не состоит, — абсурд. Повидимому, г. Ресул заде искал реванша и в озлоблении избрал на исходе третьего года этот путь бесцельной демагогии, но однако, последние, ни коге не задевая, рикошетом разит его самого. Жест его слишком ясен, чтобы стоило долго на нем останавливаться. Квалификацию этого деяния г. Ресул Заде мы предоставляем читателям.

2 — Сознвая изолированность свою, а также своей группы от остальных кругов Азербейджанской Политической эмиграции, г. Ресул заде пытается демагогическими приемами затушевать ее. В этих целях он отводит внимание читателей бюллетеня совершенно в другую сторону, повествуя об идеологии и активах партии и утверждая с обычным своим бахвальством, что она была единственной организованной силой, которая в прошлом возродила Азербейджан к государственной жизни, а в эмиграции борется за освобождение его от красной оккупации...

Однако, разберемся, хотя и вкратце в этих явно преувеличенных утверждениях.

В книге своей «Проблема Кавказа» (Париж — 1933) Мир Якуб бей Мехтиев, касаясь политических течений, существующих в Азербейджане, пишет:

«В начале Всемирной Войны в Азербейджане было два совершенно определенных политических течения: националистическое и социалистическое. Либеральное течение было совершенно незаметное. В течение войны националисты и социалисты развертывают свою активность и крепнут. В 1917 г., во время Русской Революции мы находим уже в Азербейджане прекрасно организованные политические партии: Две националистических партию «Мусават» и партию «Тюркские Федералисты». Они сливаются воедино и переименовываются в «Тюркскую Федеративную Партию Мусават»; партия «Иттихад» про-

должает свое существование и социалисты Азербейджанские — социал-демократы и социал-революционеры — образуют блок Азербейджанских социалистов.

Однако, все эти партии, как националисты, так и социалисты, не взирая на разницу своих доктрин, имеют совершенно определенную национальную концепцию. Поэтому то, пока продолжалась Русская Революция, национальные требования всех Азербейджанских партий консолидируются. Все требуют независимости и свободы для Азербейджанского народа. Национальный Азербейджанский Совет, избранный всеобщей подачей голосов, составляется из партий «Мусават», «Иттихад» и «Социалистический блок» и 28 мая 1918 г. есть день торжественного и единогласного объявления независимости Азербейджана».

Мы нарочито ссылаемся на этот источник, минуя другие, так как думаем, что свидетельство г. Мехтиева, как принадлежащего к группе г. Ресул заде, может послужить наилучшей иллюстрацией фальши г. Ресул заде, когда он утверждает, что его группа была единственной организованной силой, и не краснеет перед другими, если только сохранилась у него краска стыда.

В чем же заключается актив г. Ресул заде, о котором так крикливо и самодовольно он говорит?

Было бы большим недоразумением предполагать, что г. Ресул заде и окружение его объединили нашу политическую организацию, создали организации для оказания помощи нуждающимся соотечественникам, окружили учащуюся молодежь, как будущий кадр работников, заботой о воспитании и т. д. Подобными делами им не дано заниматься, так как это отразилось бы на личном благополучии и спокойствии их.

Судя по заявлению г. Ресул заде, актив

этот выразился в создании Азербейджанского Национального Центра — Милли Меркез, заключении Брюссельского пакта Кавказской Конфедерации, участии в «Прометее» и связи с остальными подневольными турецкими элементами России. В самом деле, так ли это?

Действительно, в эмиграции создан был Азербейджанский Национальный Центр — Милли Меркез, но при явном сопротивлении г. Ресул заде, который, как известно всем, был сторонником диктатуры партии, которую он когда-то возглавлял. Однако, после известного периода времени центр распался, так как на восьми членов его пятеро демонстративно вышли из состава его, находя для себя невозможным сотрудничать с г. Ресул заде, обвиненным в разных злоупотреблениях. При таких условиях остается нам только удивляться смелости г. Ресул заде, когда он не стесняется упоминать о «Милли Меркез».

Брюссельский пакт Кавказской конфедерации... Не только мы, но и представители горцев С. Кавказа, а также большинство видных грузинских националистов имели уже случай высказать в печати*) свое отрицательное отношение к этому пакту, который в сущности ничто иное, как профанация прекрасной идеи Кавказской конфедерации.

Этот пакт, как совершенный от имени несуществующих Национальных Центров Азербейджана и С. Кавказа, — ведь подписавшие его дезавуированный г. Ресул заде и русский монархист Суши не могут же считаться правомочными представителями Азербейджана и горского С. Кавказа, — нельзя рассматривать иначе, как политический обман, а потому он и не имеет значения международного акта.

Грузинские меньшевики прекрасно сознавали, что такой пакт никого и ни к чему не обязывает, и повидимому, подписали его, же-

лая, с одной стороны, исполнить «Заказ извне», а с другой — использовать случай для демонстрации, хотя бы и неискренней, своей «Кавказской солидарности», в чем давно уже усомнились национальные круги Кавказа.

Ничем иным, как таким отношением Грузинских социалистов, объясняется то, что не успели высохнуть чернила на «пакте», как они, совершенно не считаясь со вчерашними своими союзниками г.г. Ресул заде и Суши, заключили с Армянскими дашнаками сепаратное соглашение под названием «Унион», которое, подрывая основы пакта, предусматривает: а) объединение Грузии и Армении без Азербейджана и С. Кавказа, б) расширение территории Армении и Грузии за счет своих соседей: Турции, Азербейджана и Сев. Кавказа, в) признание Турции, в виду якобы угрозы нашествия ее на Кавказ, для Армян и Грузин более опасной, чем Россия, г) культивирование среди Грузинского и Армянского народов антитурецкого настроения, и т. д.

При таких фактах и настроениях можно ли всерьез говорить о каком-либо значении этого пакта? Быть может, он — актив лично для г. Ресул заде, но отнюдь не для Азербейджана.

Вне всякого сомнения, основная идея «Прометее» была правильная и почтенная. Это — объединенная борьба всех подневольных народов России за свое освобождение. Однако, невзирая на громадные материальные жертвы, означенное объединение, будучи лишь одной видимостью, ничего реального не создало. Каждая из участвующих в нем сторон старалась использовать его в своих эгоистических интересах, вследствие чего фронт начал разлагаться и ныне уже обречен...

Фронт этот, надо сказать открыто, ничего положительного не дал для Азербейджанского национального дела, если не считать, что благодаря ему несколько человек живут безза-

*) Журнал «Кавказ».

ботно, а экс-лидер г. Ресул заде обеспечил себя на всю жизнь...

Наконец, что касается связи с остальными тюркскими элементами России, то она, будучи особенно желательной, могла бы считаться активом, если бы в жизни действительно существовало нечто, иллюстрирующее ее. К сожалению, ничего этого нет и г. Ресул заде, повидимому, считает связью случайные встречи двумя или тремя эмигрантами, от которых никому ни тепло, ни холодно.

3 — На конференции подвергнута была пересмотру и программа партии. Считая жизненной необходимостью изменение программы, г. Ресул заде вносит на одобрение конференции заранее выработанные им основные начала, долженствующие лечь в основание новой программы, и предварительно останавливается на идеологии и тактике партии.

Но г. Ресул заде эта идеология, сводящаяся к «тюркизму», «национализму», «свободе» и «независимости», и тактика «претворения их в жизнь» были исключительным достоянием его группы, благодаря чему последняя была в Азербейджане единственной организованной политической организацией. Поэтому все, что делалось и делается в Азербейджане и вне его, присовокупляет он, есть результат работы, внушения и путеводительства его группы.

Мы имели уже случай привести цитату из книги г. Мехтиева, которой вполне устанавливается вся фальшь подобных заверений г. Ресул заде, а потому ограничимся лишь констатированием, что эта идеология присуща была не только всем националистическим партиям, но и большинству социалистов, несмотря на разницу доктрин их по социальным вопросам, и что факт этот только и мог привести к заключению «Мисаки Милли» 28 мая

1918 г., который г. Ресул заде по понятной причине обходит молчанием.

Надо ли сказать и то, что претворение в жизнь высоких идеалов дано лишь людям с высоким моральным и культурным весом? Между тем, как раз этих то качеств не хватает у г. г. Ресул заде, а потому в устах их эти высокие понятия теряют подлинный свой смысл и превращаются в заученные слова. Кто поверит этим отрешенным от тюркского мира, людям, когда они говорят о «тюркизме» на словах, а на деле сотрудничают с тюркскими врагами: грузинскими социалистами и через них с армянскими дашнаками?

М. Э. Ресул заде и Ко, как единственные, якобы, носители этих высоких идеалов, приписывают своему влиянию также ту героическую борьбу, которую ведут тысячами там на родине Азербейджанская молодежь и националистические элементы проти своих поработителей. Какое самомнение и обман? Всем хорошо известно, что никакой связи у них с родиной нет и потому лучше было бы, если они своими загрязненными руками не касались бы святого дела этих патриотов своего народа.

На конференции приняты были также основные начала будущей программы группы г. Ресул заде. Сравнительно с существующей программой заметно внесение существенных изменений и в особенности в части, касающейся социальных вопросов. Общая тенденция их — приближение к социалистической программе. Повидимому, это — результат влияния грузинских социалистов, с которыми сотрудничает группа г. Ресул заде, а также веяние идеи о «народном фронте», охватившей левые политические круги.

Как бы то ни было, однако, едва ли можно оспаривать, что в условиях эмигрантской ра-

боты всякое занятие программными вопросами лишено практического смысла, не говоря уже о том, что оно — начало, не объединяющее, а раз'единяющее эмиграцию.

Эта новая «левизна» г. г. Ресул заде означает в то же время возвращение их к составлению «Мусават» до слияния его с «Тюрк Федералист Фыркаси», которое ярко замечается как в исчислении ими юбилей, так и изменении названия его.

Идейно г. Ресул заде находится уже по ту сторону эмиграции, а национализм его — профессиональная маска, надетая во имя личных, переходящих интересов...

Однако, вольному воля!.. Мы же будем продолжать свою работу, руководствуясь принципами «Тюрк Федералист Фыркаси» и «Мисаки Милли» 28 мая 1918 г., тем более, что уместно лишь заниматься подобными вопросами на освобожденной родине.

4 — На конференции, в процессе ее работ имелся один маленький эпизод, но какой карикатурный, и нельзя пройти молчанием, не отметив его.

«Ввиду того, что эти дни конференции совпадают с 25-летним юбилеем партии, гласит бюллетень, конференция постановляет учредить в память о нем армы-медали и в первую очередь преподнести из них по золотой трем китам партии: М. Э. Ресул заде, А. К. Кязым заде и М. А. Ресул заде в вознаграждение за выдающиеся заслуги (?!), оказанные ими партии и родине».

Не характерно ли в переживаемые нами дни эта забава и не свидетельствует ли она о не в меру зарвавшихся людях, которые в самоослепленном невидят, что творят?

5 — Наконец, если мы коснемся созыва и состава этой конференции, то станет еще бо-

лее понятным тот специфический отпечаток, который носит на себе вся ее работа.

Из бюллетеня видно, что конференция составлена была из делегатов, избранных по районам рассеяния партийцев, при чем как будто бы некоторые из них не могли прибыть вследствие технических затруднений.

Между тем действительность опровергает это утверждение. Если даже стать на точку зрения г. Ресул заде, представлявшего партию на конференции единой и монолитной, то, казалось бы, на делегатских выборах должны были бы участвовать и многочисленные члены из нашей группы, составляющие большинство в этих районах, тогда как ничего этого не было и о конференции мы узнали впервые из бюллетеня ее.

По наведенным справкам оказалось, что на конференции под председательством г. Ресул заде участвовали шесть лиц: А. К. Кязым заде, А. Азертекин, М. Б. Мехмед заде, И. Мюнши, И. Исфаили и К. Зейнали. Все они, надо полагать, собраны были по настоянию г. Ресул заде. Четверо из них находятся в услужении у г. Ресул заде и по первому зову его готовы кричать: «что прикажете», а остальные двое — никакой политической роли не играли ни на родине, ни в эмиграции.

Заслуживает особого внимания и то, что из группы г. Ресул заде самые видные члены ее Мир Якуб бей Мехтиев и Мустафа бей Вевили, не разделяя всей этой недостойной затеи г. Ресул заде, отказались в виде протеста участвовать на этой так называемой конференции. Несомненно, это — новый и тяжелый моральный удар, нанесенный из своей же среды по г. Ресул заде и «конференции».

Вся эта шумиха, повидимому, поднята г. Ресул заде, чтобы восстановить свою репу-

тацию, так низко навшую за последние годы, и показать покровителям своим, что, занимаясь, якобы, национальным делом, он делает что-то.

Однако, и эта политическая спекуляция не поможет г. г. Ресул заде... не взирая даже на то, что они выдали друг другу на «конференции» патент на медали...

Настоящий ответ — вынужденный. Объяс-

нение его надо искать в желании восстановить в интересах третьих лиц истину, грубо нарушенную на конференции, и предостеречь мало посвященных в наши дела от соблазнов обмана.

По уполномочию.

Халил Хас-Мекеди.

30 октября 1936 г., Стамбул.

Мемуары ген. Муса Паши Кундухова

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ *).

Некоторые выводы. Армяне и евреи. Конно-горские и конно мусульманские полки. Горские кадеты и аманаты. Сыновья алдаров в Тифлисской семинарии. Жестоко возмутительные меры. Зачисление абазинцев и осетин в казачье сословие. Встреча персидского принца с шайкой разбойников. Ермолов Малую Кабарду подарил своему любимцу.

Тут в заключение не могу не сказать, что по всей справедливости надлежит признать ту неоспоримую истину, что русские, хотя могучею силою своих войск и средств, наконец, успели покорить Кавказ, и войска русские всегда могут гордиться своими военными подвигами, но правительство, напротив того, должно всегда краснеть как перед кавказскими народами, так равно перед Россией. Оно перед обоими столько виновато, что не может избежать справедливого суда, где нельзя будет по праву сильного уклониться от множества весьма тяжелых для него вопросов. Из них, например: когда русское прави-

тельство вступило на Кавказ в роли великодушного покровителя его народов, оно, разумеется не встретило большого сопротивления, напротив того грузины в 1492, 1586, 1604, 1618, 1658, 1760 и 1718, имеретины в 1621, мингрельцы в 1636, армяне в 1718, кумыки в 1718, сами желая покровительства России, к ней обращались. Других же народов его, она в прокламациях и в словесных обещаниях именем Бога и царя своего уверила, что не имеет к ним ничего враждебного и идет к ним для того, чтобы быть на Кавказе благодетельным посредником между его разноплеменными народами и вместе с тем из любви к человечеству открыть и предоставить туземцам пользование всеми богатыми источни-

*) См. «Кавказ» №№ 1/25, 2/26, 3/27, 4/28, 5/29, 8/32, 10/34 и 11/35.

ками, которые будто бы, по неведению горцев, скрываются в недрах кавказских гор.

Только когда таким образом она была допущена утвердиться на Кавказской линии в 1755 году в Кизляре, в 1759 в Моздоке и в 1785 г. в Екатеринодаре, народы, понявшие изворотливое коварство русского правительства, стали сопротивляться наступательному его движению. Но правительство, пуская в дело обман и ухищрения, конечно, начало опять убеждать горцев письменно и словесно, что религия, адаты и родовые их интересы будут без малейшего прикосновения навсегда в народе свято сохранены. К сему присоединены были множество обещаний о благоустройстве края и будущности аристократов, кои по простоте своей искренно поверив клятвам русского правительства, заставили поверить и своих подвластных, с которыми в больших силах охотно шли впереди его войск, против хорошо понимавших русския намерения народов, и таким образом, всеми своими мерами и средствами помогли ему совершенно овладеть Кавказом *).

Во всем этом русские не могут не сознаться, имея перед собой кавказский архив.

Известно всем, что в России право собственности непоколебимо, и даже десятилетняя давность считается неотъемлемым правом на владение. Почему же русское правительство не признало веками освещенных прав ханов, князей, алдаров, бесков, первостепенных узденей и родовых старшин, усердно служивших ему и не исполнив перед ними долга признательности как уголовных преступников лишила их с потомством всех прав состояния и тем (за немногими исключениями) да-

же заслуженных генералов, штаб и обер-офицеров, увеченных в делах против его неприятелей, вопреки человечеству и в России существующим законам осудила их на мученическую смерть, мстя за то, что они по происхождению своему несколько веков имели право властвовать в народе.

Не менее того и об остальном населении Кавказа, которое, по праву сильного или как бы то ни было сделалось его подданным по закону человечества, оно должно было заботиться и обеспечить будущность его наравне с другими подданными России.

Оно же, напротив того, беспощадно отняло у них земли оставив им только от 10 до 32 десятин на двор (во дворе, средним числом не менее пяти душ), а остальную отдала вновь прибывшим переселенцам из России, назначая им *на душу* от 25 до 30 десятин, а также в награду русским генералам и чиновникам, затмевавшим истину, от одной до двенадцати тысяч десятин.

Из этого очень понятно, что русская власть строилась. Зачем и для какой пользы?

Она награждала горцев по заслугам и по политическим видам царскими чинами и орденами. Зачем же они не пользовались правами, им законом в России предоставленными и, неговоря о штаб и обер-офицерах, заслуженных генералах, державших сторону справедливости, ссылало с Кавказа в Россию, арестованными, без суда и закона, лишь только по произвольному и недоказанному допосу.

Зачем она осетин, назрановцев, дидоевцев, абхазцев, вопреки христианских правил, насильно приводила в христианство. Не желавших казаки связывали и после понесенных ими сильных побоев, неграмотный поп обливал их водой, а иногда мазал им губы свиным салом; писарь записывал их имена и прозва-

*) После чего правительство сняло свою маску перед кавказскими народами, которые в полном смысле этого слова «сахнули» — да поздно; помочь делу было вне возможности.

ния в книгу принявших по убеждению святое крещение и после требовал от таких мучеников строгого исполнения христианских обрядов, коих не только они, несчастные, но и крестивший их поп не знал и не понимал — за непослушание же подвергали горцев телесным наказаниям, арестам и денежным штрафам *).

Где же веротерпимость, коей до сих пор Русское правительство хвастало? И если считать подобное крещение святым, то что же оно называет грубым и жестоким?

С незапамятных времен между загубанскими черкесами жили армяне, в числе 500 дворов. Они ни слова не понимали по армянски. Обычай, одежда, язык их черкесский. Ничем нельзя отличить их от черкесов, но несмотря на это религию свою армяно-грегорианскую они сохранили и строго исполняют.

Точно так же и евреи жили между чеченцами и пользовались в народе всеми человеческими правами наравне с чеченцами.

С занятием русскими чеченской линии их поселили в крепость Грозную. Армян же на Кубани около крепости Грозного Окопа.

Недостаточно ли этого для того, чтобы согласиться, что у горцев веротерпимость более священна, чем в России.

В 1835 году Русскому правительству угодно было сформировать два конных полка: один из горцев кавказской линии, другой из мусульман закавказской провинции.

Имея их постоянно в Царстве Польском, около гор. Варшавы, оно утверждало, что цель формирования этих полков состоит в том, чтобы молодежь кавказских мусульманских народов знакомить с ухом текущего вре-

мени и с выгодами европейской жизни, а также, в случае восстания в Царстве Польском и войны с европейскими державами употреблять их с пользою в дело.

Также в 1836 году оно начало брать в кадетские корпуса детей почетных горцев для того, чтобы дать им хорошее воспитание и как образованных людей иметь орудием к сближению туземцев с благими видами правительства.

Все это писалось и делалось лишь только на бумаге и на словах, а на деле выходило совершенно иначе.

В сказанных полках начальство старалось о поддержании только грубого воинственного духа, внушая всадникам и даже офицерам казаться туземцами дикими и отчаянными *), запрещая им бывать у польских помещиков и делать с ними знакомства. Напротив того, давая страстям их полную свободу, возвращали на Родину с полным образованием в разврате.

Так что поняв, в чем дело, ни один порядочный человек не отправлял сына своего туда на службу.

В корпусах же недопускали горцев определенного там курса наука, а выпускали их офицерами в армейские полки не по успехам в науках, как выпускали русских, а по достижении полного возраста, не обращая внимания, умеет ли он даже читать и писать.

При этом в корпусе отвыкали от своих обычаев и не соблюдая их между горцами, теряли уважение (называли их полумудрыми гяурами).

Кроме того, офицеры эти, служа в полках, в среде образованного общества и на каждом шагу замечая недостатки своего воспитания, убеждались в нежелании правительства им успеха на царской службе и распространения образования в родном крае.

За что они и питали к нему вместо чувства

*) В справедливости сего можно убедиться из окружных дел с 1833 года до 1865 года — до моего отъезда. — М. К. (Речь идет о делах Чеченского округа, начальником которого был ген. Кундухов. — Ред.).

благодарности, негодование.

Зачем же их брали и с чем это сходно?

Правительство, как выше сказано, водворившись в Кизляре, в Моздоке и Екатеринодаре и позже во Владикавказе, получило от всех мирных горцев, сыновей влиятельных князей, алдаров и родовых старшин («аманатами») в залог верности их с подвластными им горцами русскому Царю.

Почему опознавши степень их будущего влияния в народе на место того, чтобы внушить им к себе любовь и доверие, содержали их в крепостях под строгим караулом, наравне с арестантами*), имея над ними надзирателями грубых фельдфебелей, по привычке напоминавших им на каждом шагу матерное русское приветствие иногда с прибавкой сильной пощечины.

Ради чего многих делало оно жертвами адского испытания, и выдержавших до окончания своего срока возвращало домой с чувством сильного негодования имени «рус» (Россия)?

В 1819 году Главнокомандующий на Кавказе генерал Ермолов пригласил к себе в Тифлис нескольких почетных Тагаурских ал-

*) В 1839 году генерал Граббе отправил адъютанта своего к Государю с донесением о взятии резиденции Шамиля Ахульго. Император между прочим спросил адъютанта:

— «Что ты ехавши по Терской линии видел замечательного?».

— «Ваше Императорское Величество везде большой порядок и исправность. Только в гор. Кизляре положение горских аманатов заслу...». Николай грозно взглянув на него оборвал: «Я тебя не спрашиваю о горских аманатах», и не дал ему договорить того, что требовали справедливость и человеколюбие. Трудно поверить тому, кто не был очевидцем как ужасно, отвратительно было положение аманатов, которые пользовались тою привилегией от арестантов, что избавлял их от накладки на них колодок, кандалов и цепей, и днем около своего дома могли бегать и играть под надзором солдат и с дозволения фельдфебеля. — М. К.

даров и объяснивши им пользу образования, посоветовал им отдать сыновей своих и родственников на воспитание в Тифлисскую православную семинарию. При этом Главнокомандующий убедил их, что дети их получивши хорошее образование, получат офицерские чины и будут между народом и правительством примирительным звеном.

Алдары эти не только охотно, но с благодарностью согласились на предложение Ермолова и в том же году отправили 12 мальчиков в сказанную семинарию.

Когда мальчики эти выучились читать и писать по русски, то некоторым из них экзарх Грузии в знак щедрой царской милости предложил принять святое крещение с саном священника в Осетии.

Мальчики не только отказались от неожиданного ими счастья, но перепугавшись в тот же день разбежались из семинарии по разным знакомым грузинским домам и немедленно дали знать своим родителям о предстоявшей им будущности. Родители не менее сыновей были поражены этим известием и поспешили отправить людей и лошадей с алдаром Далтмурзой Дударовым*) в Тифлис и взяли обратно своих сыновей, которые с того дня до конца жизни своей питали к правительству сильную вражду, исключая из них одного фарсалакского сословия Тасо Жукаева, который, принявши православное вероисповедание, отказался также от сана священника и, служа честно и усердно, умер в чине майора.

*) В бывшей в 1848 году Венгерской кампании президент Кошут, приглашая народы к общему восстанию, публиковал в своих газетах, что идут к ним дикари русские и что кроме их войск они вызвали с Кавказа диких горцев, которые едят людей и лакомятся детьми. К немалому изумлению многие тому поверили и когда я пришел туда с дивизионом то спрашивали: — А где же дикие горцы? — М. К.

В числе многих жестоко возмутительных мер на Кавказе, надо заметить и о том, что правительство за вину одного человека наказывало несколько десятков и сотен невинных людей, а иногда целый народ. Например: наверно не знаю, когда именно, но знаю, что во время командования краем генерала Ермолова, жили на Куме близ гор Георгиевского около трехсот дворов абазинцев. Некоторые по молодечки занимались воровством: выводили лошадей и рогатый скот казачьих станиц. Начальство, несмотря на то, что жители этого аула сами жаловались на воров этих, а иногда арестовывали и представляли их в ближайшему начальству для поступления с ними по всей строгости законов, их всех без исключения (в пример другим горцам) зачислили в казачье сословие Дигорских осетин в числе двухсот дворян, живших и поныне живущих между гор. Моздоком и Екатеринодаром под названием Черноярской станицы *).

Ослепление правительства зашло так далеко, что примером этим оно сверх своего ожидания до того вооружило против себя горцев, что до сих пор нельзя уверить ни одного горца, что правительство не стремится к зачислению всех горцев в казачье сословие **).

Кроме того, неловкий и не хорошо обдуманый пример этот много помог Кази Магомету, Шамилю и всем тем горцам, которые желали воевать не с русскими, а против жестоких мер.

В 1830 году по случаю убийства персиянами известного Грибоедова персидский принц Хосрой Мирза ехал в Петербург про-

сить прощения за неумышленно случившееся несчастье с русским посланником.

Не доезжая семи верст до Владикавказа поезд принца около Балтинской станицы встретился с шайкой разбойников, в числе пяти человек, которые из-за скалы сделали три ружейных выстрела и ранили одну лошадь под экипажем Хосроя Мирзы.

Вследствие чего, последовала могущественная воля Императора Николая: в пример всем горцам *) строго наказать *всех* жителей того ущелья!!!

Согласно высочайшей воле бывший Главнокомандующим на Кавказе граф Паскевич-Эриванский послал к Тагаурцам и Галгаевцам сильный отряд под начальством генерала князя Абхазова, до основания разрушившего в Тагауре два лучших селения: Кобан и Чими, а жителей их переселившего на плоскость ниже Владикавказа.

Кроме того, для буквального исполнения воли царя, преданный ему Паскевич сослал без суда и безвозвратно в Сибирь 12 человек алдаров, лишь за то, что в народе они пользовались почетом и уважением. Имена их достойны памяти и потому их назову: 75-летний старик Беслан Шанаев с семью сыновьями, Уари и Каурбек Тулатовы, Буто Кануков, Инус Дударев и фарсалаг Хаджи Албегов.

Малая Кабарда состояла из 3-х княжеств в числе 800 дворов: Мударовы, Ахловы и Таусултановы. Из них князь Альбахсит Муда-

*) Пользуясь расположением и доверием бывшего в одно время начальником левого и правого флангов достойного графа Евдокимова, я, раз в частной беседе с ним, убедил его в истинной пользе и необходимости исключить этих горских казаков из казачьего сословия. — М. К.

***) Крылова басня «Волк и ягненок». — М. К.

*) В числе их был родной сын его и брат мой Хаджи Мурза, который, как выше сказано, не мог равнодушно смотреть на русского. Из двенадцати сказанных мальчиков только четыре человека умерло своей смертью, остальные погибли в делах против русских. Равным образом очень редко кто из бывших аманатов не был открытым врагом России, помогая чем только мог всем, кто был непокорным правительству. Вот до чего сильно впечатление человека, полученное в детстве. — М. К.

ров и первостепенный уздень Эльжарыбо Абаев, нежелая русского подданства, ушли к венокорным чеченцам.

Генерал Ермолов, бывши на Кавказе почти самовластным Главнокомандующим, сильно благоволил к состоявшему при нем черкесу полковнику князю Бековичу Черкасскому, жителю города Кизляра, православного вероисповедания, и потому пожелал сделать его владельцем Малой Кабарды и только на этом основании вся земля их в количестве около ста тысяч десятин была утверждена актом и планом за князем Бековичем-Черкасским, а другие князья и первостепенные уздени с их подвластными остались без куска земли за

то, что один из князей и один из узденей бежали от русских в Чечню *).

Муса Кундухов.

(Продолжение следует).

*) В 1852 году бывший Главнокомандующий и Наместник Кавказа князь Воронцов, убедившись в вопиющей несправедливости, под видом покупки, взял от ни к чему неспособных наследников Бековича 50 тысяч десятин. Также в 1857 году бывший Главнокомандующий и Наместник Кавказа князь Барятинский тоже оставил им только 10 тысяч десятин. Остальную землю взял заплатив им по полтора рубля за десятину. Вот как даруются и отнимаются земли на Кавказе и какой существует там исключительный закон или беззаконие. Ясно и понятно. — М. К.

Обзор печати

АНГЛО-ТУРЕЦКОЕ СБЛИЖЕНИЕ

Как известно, недавно турецкая эскадра посетила Мальту. На банкете, данном в честь турецких гостей командующий английской эскадрой Средиземного моря адмирал сэр Дэдлей Паунд произнес следующую речь:

«Приветствуя приход турецкого флота, я не могу не сказать несколько слов о старинной англо-турецкой дружбе и о Новой Турции. Турки и англичане хорошо знают друг друга с очень давних времен. В сфере военной первая встреча произошла в 1854 году во время Крымской войны, когда англичане имели случай убедиться, как ведут войну турки, когда именно их союзниками. Во время мировой войны англичане также убедились, что турки воюют, как джентльмены. После мировой

войны Турция под руководством своего вождя превратилась в единое целое, благодаря переменам, происшедшим в области культурного и социального строительства. Великие результаты прогресса, которые ей удалось достигнуть, были по достоинству оценены англичанами, как и всем остальным миром, и это явилось предметом восторженного восхищения. Наконец, в 1936 году Турция одержала успех в области политики, дав наглядный урок всему миру, и англичане, воспользовавшись этим случаем молчаливой борьбы, чтобы выполнить свое желание придти Турции на помощь. Вы поняли, конечно, что я делаю намек на Монтра.

За этим счастливым событием последовал визит Е. В. Английского короля Эду-

арда VIII в Турцию. Бесполезно останавливаться на том, насколько все это важно. Короля сопровождали два наших миноносца. Командиры этих миноносцев с восторгом отзывались мне о приеме, оказанном королем и нашим морякам в Турции. Я хочу надеяться, что прибытие турецкого флота на Мальту будет исходным пунктом возрождения англо-турецкой дружбы, которая существовала на протяжении всего XIX века».

Адмирал выпил за здоровье Президента Турецкой Республики Ататурка; вслед затем турецкий адмирал превозгласил тост за здоровье английского короля Эдуарда VIII.

В ответной речи командующий турецкой эскадрой адмирал Шукрю Окан в сердечных выражениях поблагодарил за исключительно теплый прием.

Речь английского адмирала, как видят читатели, далеко выходит из рамок обычных приветственных речей, которыми обмениваются в таких случаях командиры эскадр и имеет ярко выраженный политический характер. Англо-турецкое сближение не может не интересоваться самым живейшим образом кавказское общественное мнение. Оно является весьма ярким свидетельством намечающегося сдвига турецкой внешней политики и лишней раз подтверждает правильность политических прогнозов нашего журнала.

КООПЕРАТИВ «БРДЗОЛИС ХМА» — «КУРТУЛУШ» И «КАВКАЗ АЛЬМАНАГИ»

После довольно продолжительного молчания «Брдзолис Хма» и «Куртулуш» решили отозваться на появление в Турции сборника «Кавказ Альманаги».

В № 66 «Брдзолис Хма» мы находим следующую образцовую лживую и лукавую меньшевицко-мусаватской прозу:

Журнал «Куртулуш» (№ 53) знакомит нас с содержанием альманаха «Кавказ», появившегося в Стамбуле на турецком языке. Это сборник статей русского журнала Баммата, направленных против нас и групп, объединившихся во круг Кавказского совета, полных лжи, измышлений и всяческой инсинуации. Новое только то, что господа эти в журнале своем не столь развязны, как в альманахе. Нам сначала же были известны вождельения Баммата-Карумидзе: прикрывать большевиков и метить только в меньшевиков, бороться с конфедерацией Кавказа, каковую свою деятельность они перенесли теперь так смело в Стамбул. «Куртулуш» приводит программную передовицу альманаха, из которой мы узнаем, что азербейджано-горцы из «Кавказа» считают непреложным, политически целесообразным и согласованным с их идеалом, объединение двух братских народов — Азербейджана и Северного Кавказа — в одно государство, которое, в свою очередь, объединится в Кавказском конфедеративном Союзе». Иначе говоря, сначала Азербейджано-Горское государство, затем конфедерация, каковой план, оказывается, «без замедления уже принят грузинскими националистами». Очевидно, таковыми являются сотрудники «Кавказа» — Амиеджиби, Квинтадзе, Авалишвили. Одновременно с этим, альманах ополчается против тех, которые, применяя тот же метод, осуществляют христианский блок — «армяно-грузинский уния», как бы говоря этим, что создание религиозного блока разрешимо только для них, для других же нет.

Что весь этот метод и оба этих уния — повторение одного и того же и стоят друг друга, это явнее ясного. Но альма-

нах, как и его инспириатор «Кавказ» не в состоянии удержаться, чтобы не содрать и это свое ремесло он выполняет по бамматовски — отчаянно. «Армяно-грузинский униюн» он считает делом меньшевизских рук, хотя всем известно, что меньшевик и религиозные соображения — две вещи разные и никогда ни один меньшевик в подобных комбинациях не участвовал. Мы целиком разделяем взгляды «Куртулуша» по этому вопросу, и стоим и стоим сегодня, как и он, на позиции конфедеративного союза объединенного Кавказа. Эту нашу позицию «Куртулуш» выражает великолепно: «Никакой разницы между кавказскими народами, конфедеративное объединение четырех кавказских республик, равенство составляющих его народов, на почве искреннего расположения и лояльного соглашения». И дальше: «Жизненные интересы всех кавказских народов подсказывают им быть политически вместе, не делая уклона ни в сторону христианства, ни в сторону ислама, оставаясь только кавказцами»

Мы стоим целиком на этой позиции.

«Альманах» показал нам не только промусульманскую политику «Кавказа», но и свои пробольшевицкие настроения. Он с большими комплиментами отзывается о конституции Сталина. Оказывается, конституция обеспечивает советским республикам и народам не только свободное обсуждение национальных вопросов, но и свободу выходить из советского союза» и др. Как это во владениях Генеу так «обеспечено», все это остается неизвестным. Видимо, публика из альманаха не прочь демонстрировать перед Сталиным, что они принимают конституцию и становятся на ее платформе. Их программа и

путь теперь ясны: создание азербейджано-горского государства при благословении Сталина... В добрый путь, и туда же дорога и грузинам из людской Баммата.

Надо полагать, что в одном из ближайших своих выпусков сам «Кавказ Альманаги» даст достойную отповедь профессиональным фальсификаторам из меньшевизского офиса и ея мусаватской затычки, восстановит трюкованные тексты и уточнит, во избежание кривотолков, свои позиции.

На страницах «Кавказа» мы имели случай предостеречь господ из «Армяно-Грузинского Униона», что их инициатива неизбежно вызовет реакцию среди некоторых азербейджано-горских кругов, которые не преминут ответить им проектом создания азербейджано-горского блока...

Если бы «Кавказ Альманаги» и выступил с подобной проповедью — то это бы бы простой и естественной реакцией на сложные махинации грузинских меньшевиков, орудующих через подставных лиц и некоторых армянских дашнаков. Но дело, конечно, обстоит совсем не так, как это рисуют ловкачи из меньшевизко-мусаватской лавочки. Для добросовестного читателя, познакомившегося с предисловием «Кавказ Альманах» не в специфических выдержках «прометеевских» борзописцев, а в подлиннике, совершенно очевидно, что идея азербейджано-горского административного объединения в лоне *политически единой* Кавказской конфедерации, решительно ничего общего не имеет с позицией «армяно-грузинского униюна».

С недопускающей никаких кривотолков очевидностью это вытекает хотя бы из того, что в том же «Кавказ Альманаги» можно черным по белому прочесть, что нет решительно никаких возражений против культурно-просветительных (и надо полагать также

и территориально-административных, если это им нравится), объединений армян и грузин друг с другом, при одном, однако, непременном условии, чтобы такое объединение не принимало характера политической исключительности и не было направлено против мусульманских соседей, как внутри Кавказа, так и вне его.

Нужны вся педобросовестность «Брдзолис Хма» и подхалимство «Куртулуша» для того, чтобы проводить параллель между такой постановкой вопроса и «Армяно-Грузинским Унионом», явно порожденным ненавистью к Турции, недоверием к Азербейджану и Сеп. Кавказу и тайной тоской по России.

«Брдзолис Хма» делает вид, что не понимает иронии «Кавказ Альманаги» по адресу сталинской конституции *«возносимой авторами, как некая эра в истории человечества, как действительная великая хартия волюнтаристов»* (цитируем по «Кавказ Альманаги»).

Или по малограмотности и тупоумию действительно не понимает.

Во всяком случае с людьми, зарвавшимися до того, чтобы приписать нам идею создания «азербейджано-горского государства...» при помощи Сталина полемизировать уже не приходится.... Они вполне созрели для Шарантона *)...

А вот что касается стыдливых, но безответственных отнекиваний анонимного сотрудника «Брдзолис Хма» от «Армяно-Грузинского Униона» и абзаца статьи, трактующей о том, что «меньшевик и религиозные соображения — вещи разные и никогда ни один меньшевик в таких комбинациях не участвует»; мы вынуждены заметить, что грузинские меньшевики приучили нас ко всяким

«комбинациям». И в свое время мы несколько не удивились, когда наш хроникер, давая отчет о том религиозном торжестве, которым были ознаменованы первые шаги «Униона», отметил особо истово молившуюся группу грузинских меньшевиков, которым гостеприимные хозяева армяне отвели в своей церкви самые почетные места, там где обычно помещают высоких духовных особ... Одно, однако, несомненно и об этом на столбцах «Кавказа» мы напоминаем в третий раз. Ни т. наз. «Грузинский Национальный Центр», ответственность которого в этом деле несомненна, и партия грузинских меньшевиков, несмотря на недвусмысленные предложения, которые им делались, до настоящего времени упорно избегают официально отмежеваться от «Армяно-Грузинского Униона»... В то же время из совершенно достоверного источника нам известно, что весьма недавно один из наиболее ответственных руководителей «Армяно-Грузинского Униона» в частных беседах с представителями грузинской колонии в Берлине, заявляя, что грузинские меньшевики, предпочитающие пока оставаться в тени, относятся к их начинанию с полным сочувствием.

Для людей, знакомых с кавказской политической эмиграцией, иначе и быть не могло. Кто, в самом деле, поверит, что наиболее квалифицированные для оценки удельного веса грузинских политических течений многоопытные дашнакские деятели из всех многочисленных групп и подгрупп, на которые разбились грузинские национал-демократы, для создания армяно-грузинского блока обратились бы к самой ничтожной и политически совершенно дискредитированной группировке... если бы эта группировка не находилась на иждивении (скажем политическом) тов. Жордания. Sapiienti sat.

*) В Шарантоне, под Парижем, помещается известная лебечница для душевно-больных.

ХРОНИКА

ГРУЗИНСКАЯ КОЛОНИЯ В НЬЮ-ИОРКЕ

8 ноября, в ресторане С. Эрнстова «Кавказский орел», состоялось собрание грузинской колонии, на котором произведены выборы правления на 1937 год. Избраны: Н. Алавидзе, И. Орбелиани, К. Гургенидзе, П. Кварацхелия и А. Круашвили.

Собрание носило деловой характер. По выслушании доклада г. Тарсаидзе, собрание выразило благодарность старому правлению за произведенную им большую работу, в частности, председателю его Вас. Думбадзе, и завершилось дружеским обедом.

ПОПРАВКА

В последнем номере «Кавказа» в библиографическом очерке, посвященном «трем историческим документам» З. Авалишвили, выпала в наборе одна строка, вследствие чего произошло досадное искажение смысла: на стр. 39-ой, столбец первый, вторая строка снизу, сказано: «...грузинский историк царевич Вахушт вынужден был расстаться...» и т. д. — следует читать: «...грузинский историк царевич Вахушт *утверждает, что царь Вахтанг* вынужден был...» и т. д.

Приносим наши извинения уважаемому автору статьи и читателям. — *Ред.*

Открыта подписка на 1937 год на ежемесячный журнал

4-ый год
издания

„КАВКАЗ“

4-ый год
издания

Орган Независимой Национальной Мысли

Журнал ставит своей целью освобождение Кавказа от иноземной оккупации и образование независимого Кавказского государства на конфедеративных началах.

Считая, что политическая независимость Кавказа и культурно-экономическое его преуспеяние могут быть обеспечены только го-

сударством, построенным на принципе национальной солидарности, журнал будет вести неустанную борьбу против всех разлагающих и антинациональных сил и прежде всего против интернационализма и марксизма, как в большевицком, так и в меньшевицком его воплощениях.

Условия подписки:

	на год	на 6 мес.	на 3 мес.
Во Франции	36 фр.	18 фр.	9 фр.
В других странах	38 фр.	19 фр.	9 фр. 50 с.

Адрес Редакции: Mr Naïdar Bammate, 10, rue de Plélo Paris (15).